

АЛЕКСАНДР ГОЛОВАНОВ

РУССКИЙ МАЯТНИК

ПОВЕСТИ СТОЛЕТНЕЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

КНИГА ВТОРАЯ

**ГАПОНИАДА: РАССТРЕЛ ТОЛПЫ
КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ**

ГЛАВА 1.

ТРИ ГЛАВНЫХ ПРОВОКАТОРА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
И МАГИЯ ПРОЛИТОЙ КРОВИ

ГЛАВА 2.

ПРИСКОРБНОЕ БЕСЧУВСТВИЕ ИМПЕРИИ, ИЛИ ПОЧЕМУ
РУССКАЯ МОНАРХИЯ СТРЕЛЯЛА В СВОИХ ВЕРНОПОДДАННЫХ

ГЛАВА 3.

РЕВОЛЮЦИЯ БЕЗ РОМАНТИКИ 1. ЯПОНСКИЕ СМОТРИНЫ
РУССКОЙ ОППОЗИЦИИ В ПАРИЖЕ В 1904 ГОДУ

ГЛАВА 4.

ТЕРРОР ПРЕКРАСЕН! ФЕНОМЕН ЛИБЕРАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ
И МОДА НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ УБИЙСТВО

ГЛАВА 5.

РЕВОЛЮЦИЯ БЕЗ РОМАНТИКИ 2.
ПОЧЕМУ ЭСЕРЫ УДАВИЛИ СВОЕГО ГАПОНА

ГЛАВА 6.

РЕВОЛЮЦИЯ БЕЗ РОМАНТИКИ 3.
ПРОВОКАЦИЯ ВЕТЕРИНАРА БАУМАНА

ГЛАВА 7.

РЕВОЛЮЦИЯ БЕЗ РОМАНТИКИ 4. ЗА ЧТО ЛЕНИН С ТРОЦКИМ
ЛЮБИЛИ АНГЛИЧАНКУ «ЛЕНОЧКУ»

ГЛАВА 8.

ПРОВОКАЦИЯ – РОДНАЯ СЕСТРА РЕВОЛЮЦИИ,
ИЛИ КОЕ-ЧТО О ДЕМОНОЛОГИИ

ГЛАВА I. ТРИ ГЛАВНЫХ ПРОВОКАТОРА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И МАГИЯ ПРОЛИТОЙ КРОВИ

Список расстрельных политтехнологов возглавляет Георгий Аполлонович Гапон – организатор самой грандиозной провокации, осуществлённой российскими революционерами (эсерами) 9 января 1905 года. В этот день, вписанный либералами и коммунистами в историю как Кровавое воскресенье, правительственные войска расстреляли демонстрацию православных рабочих Санкт-Петербурга. Число погибших разные источники варьируют от четырёхсот до четырёх тысяч человек. От кровавого воскресенья сдетонировала первая русская революция.

Успех провокации стал возможен из-за пагубного недомыслия власти. Гапон, вероломно толкнувший доверившихся ему людей под залпы правительственных войск, умер как Иуда – в веревочной петле.

Георгий Гапон – священник Русской православной церкви, организатор рабочей забастовки и массового шествия рабочих к царю с петицией, в которой перечислялись их требования 9 (22) января 1905 года – «Кровавого воскресенья», позже – деятель русской революционной эмиграции. В марте 1906 года убит группой боевиков-эсеров по обвинению в сотрудничестве с властями и предательстве революции.

За Гапоном в списке расстрельных политтехнологов следует Бауман Николай Эрнестович – большевик, агент «Искры» (входил в круг особо доверенных лиц В.И. Ленина). В октябре 1905 года он попытался повторить провокацию Гапона: сагитировал толпу молодежи пойти на штурм «русской Бастилии» – московской губернской тюрьмы (она же Таганка), чтобы освободить «томящихся там борцов за свободу».

Николай Эрнестович Бауман – ветеринарный врач, из мещан, родился 17 мая 1873 года в г. Казани, вероисповедания лютеранского, немец, русский подданный. В декабре 1899 года Бауман примкнул к организованной в 1883 году Г.В. Плехановым первой русской марксистской группе «Освобождение труда» и вступил в члены «Союза русских социал-демократов за границей», регулярно посещал Россию для революционной деятельности. В 1904 году он был арестован, но через несколько месяцев отпущен на поруки.

Сама идея брать Таганку приступом после публикации императорского «Высочайшего манифеста»¹ о предоставлении подданным широких политических свобод выглядела абсурдной. Газеты анонсировали амнистию политзаключенных. Но Ленину нужна была гора трупов, чтобы, тыча в неё пальцем, кликушествовать: «Вот вам царская свобода». Машина революции была накачана деньгами и оружием. Но для раскрутки этой машины требовалась ещё и кровь. В качестве кровавой жертвы Бауман приготовил толпу молодежи.

Только по счастливому повороту судьбы для легковерных людей, которых Бауман обманом гнал на убой, штурм не состоялся. Бауман на пути к «бастилии» спровоцировал конфликт с рабочими-монархистами, открыл стрельбу, и в ответ ему проломили череп.

Акция «Лена Голдфилдс» (Lena Goldfields, Ltd). Варрант на 5 акций.

Продолжит список кровавых политтехнологов работавшая в Сибире английская золотодобывающая компания «Лена Голдфилдс»², или в приисковом обиходе «Леночка».

Именно «Леночка», будучи фактической хозяйкой Ленских приисков, выступила в 1912 году в роли коллективного Гапона: спровоцировала рабочих на стачку и подвела их под винтовочные залпы прибывшей для подавления беспорядков воинской команды.

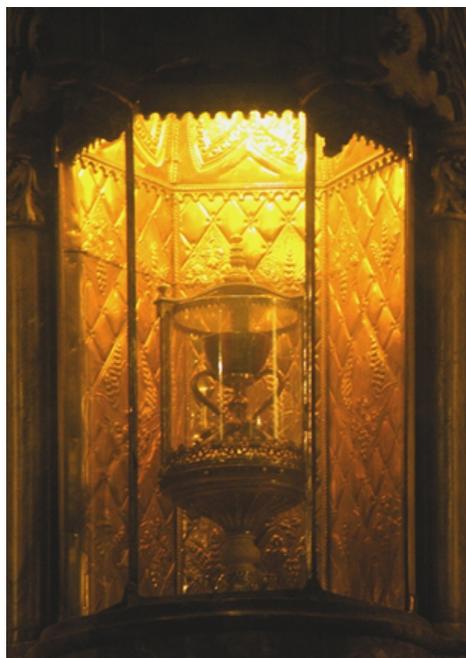
¹ Высочайший манифест 17 октября 1905 года». Его основной смысл состоял в следующем: «Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов» и «Установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы».

² Финансовое общество «Lena Goldfields Co, Ltd» создано 11 июня 1908 года Председателем правления избран бывший министр торговли и промышленности В. И. Тимирязев. Остальные места в правлении заняли иностранцы. В октябре года в состав правления «Lena Goldfields» вошли видные представители российских банков А. И. Вышнеградский и А. И. Путилов. С переходом в руки «Lena Goldfields» собственности «Ленского золотопромышленного товарищества» («Лензото») акции компании начали стремительно расти. К 1912 году сформировалось несколько влиятельных групп акционеров, заинтересованных в контроле над крупнейшей российской золотодобывающей компанией.

Политический резонанс Ленского расстрела был огромен и подхлестнул революционные настроения в обществе. Характерно, что сразу после гражданской войны Ленин с Троцким вернули замаранную кровью русских «Лену Голдфилдс» в СССР, отдав ей треть объёмов советской золотодобычи и разработку всех рудных месторождений от Якутии до Урала. Причём, документов о роли «Леночки» (как и большевиков) в ленской трагедии до сих пор нет в открытых источниках.

С древнейших времен кровью скрепляли клятвы и родовые союзы. В крови закодирована вся информация о плоти и предках того, в чьих жилах она струится. А проницательный основатель аналитической психологии Карл Густав Юнг утверждал, что в крови человека записана история его души.

Все мировые религии отводят крови особую, мистическую, функцию. Предание о Святом Граале – чаше с кровью распятого Спасителя уже два тысячелетия волнует умы человечества.

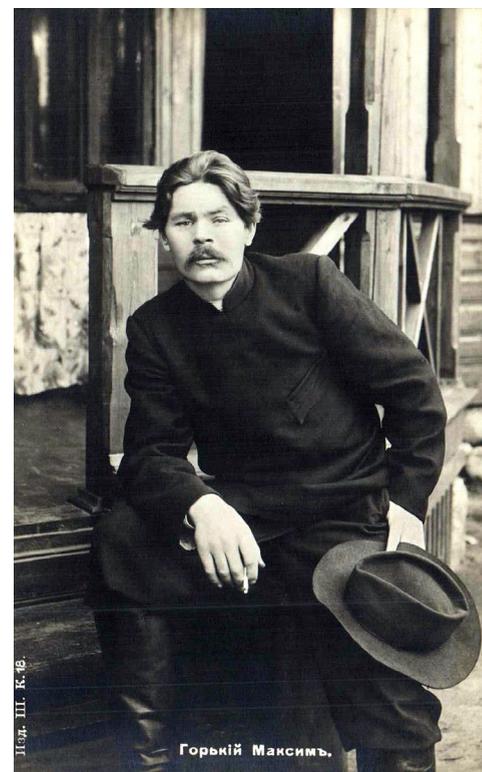
В XIX веке несколько европейских городов объявили о том, что они обладают Граалем. Кафедральный собор Валенсии демонстрирует экземпляр чаши, якобы признанный в качестве подлинного самим Ватиканом.

Особое место в технологиях манипуляции сознанием занимает свойство публично пролитой крови невинных жертв: она как наркотик возбуждает массовые психозы и толкает толпы к бунту. Неслучайно издавна практикуются убийства людей на разного рода «майданах». Эти кровопролития, помимо прочего, опрокидывают сакральный запрет «не убий», служат толчком к революциям и гражданским войнам.

Это чисто практическое наблюдение вполне согласуется с уверениями эзотериков в том, что на злодейски пролитую кровь слетаются стаи демонов.

Кстати, сразу после Кровавого воскресенья «буревестник» Максим Горький провозгласил на митинге начало русской революции.

В ту пору конкурирующие радикальные партии лезли из кожи в попытках спровоцировать кровавый конфликт толпы с властью. В 1905 году это удалось только социалистам-революционерам, когда к их коладе притусовался джокер почти невероятный – глава Собрания русских рабочих Санкт-Петербурга, он же агент полиции, он же священник Георгий Гапон.

«...Итак – началась русская революция, мой друг, с чем тебя искренно и серьёзно поздравляю. Убитые — да не смущают — история перекрашивается в новые цвета только кровью. Завтра ждём событий более ярких и героизма борцов...¹ Из письма М. Горького жене Е. П. Пешковой 9 января 1905 года (М. Горький - автор произведений в революционном духе, лично близкий к социал-демократам и находившийся в оппозиции к самодержавию).

¹ Источник: М. Горький. Полное собрание сочинений. Письма. Том пятый. Письма 1905-1906. Москва, 1999 г.

ГЛАВА 2. ПРИСКОРБНОЕ БЕСЧУВСТВИЕ ИМПЕРИИ, ИЛИ ПОЧЕМУ РУССКАЯ МОНАРХИЯ СТРЕЛЯЛА В СВОИХ ВЕРНОПОДДАННЫХ

В грандиозной провокации 9 января 1905 года эсеры успешно манипулировали самим монархом, его министрами, тайной полицией, русской церковью и «народными массами».

Вся эта история наводит на мысль, что Кровавое воскресенье стало возможным только при болезненной расслабленности имперской власти. Империя явно утратила чувство реальности. Её вялые реакции на вызовы времени нельзя назвать адекватными, как в смысле государственной мудрости, так и политической воли.

Только «сон разума» власти мог породить и вывести в «спасители престола» такое чудовище как Георгий Гапон – мутный священник без прихода, преступивший законы Церкви, но обласканный высшими чиновниками государства и продвинутый департаментом полиции в духовные лидеры православного пролетариата.

На деньги полиции Гапон в 1903 году организовал Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга¹ – внешне патриотическую, монархическую организацию,

которую лже-пастырь втёмную использовал для жертвоприношения на алтарь революции.

Гапон (во втором ряду в центре) в кругу руководителей «Собрания русских фабрично-заводских рабочих Петербурга». Лето 1904 г

¹ Собрание русских фабричных рабочих Санкт-Петербурга (1904–1906) – одна из первых массовых легальных рабочих организаций в России, основанная православным священником Г. Гапоном. Устав её был утвержден в феврале 1904 министром внутренних дел В. К. Плеве. Собрание ставило целями: предоставлять своим членам здоровый досуг, просвещение, улучшение условий труда и жизни рабочих. Члены организации имели право устраивать еженедельные собрания для разумного и всестороннего обсуждения своих нужд; создавать различные благотворительные и коммерческие предприятия, как-то: капитал взаимопомощи членов Собрания, похоронную кассу, чайную, потребительскую лавку и другие учреждения, способные улучшить материальное положение членов Собрания. Непосредственное управление делами Собрания принадлежало правлению, члены которого утверждались в своих званиях градоначальником. К началу 1905 года организация объединяла около 10 000 человек. 11 районных отделов Собрания работали ежедневно с 7 часов вечера, при них имелись чайные, библиотеки, читальные залы, работали кружки (математические, музыкальные, иностранных языков, гимнастические и др.). Устраивались лекции, собрания, музыкальные и танцевальные вечера. Активное участие в работе Собрания принимали женщины. Сначала с осторожностью, а далее всё острее на Собрании обсуждались нужды рабочих. Поддержку Собранию (так же и финансовую) оказывали петербургское охранное отделение, Департамент полиции и градоначальство. В феврале 1906 года Собрание было закрыто. Источник: Павлов И.И. Из воспоминаний о «Рабочем Союзе» и священнике Гапоне. http://www.hrono.info/libris/lib_p/pvlv01.php

Заморочив головы православным пролетариям, Гапон сагитировал их на массовое шествие к Зимнему Дворцу – для выяснения отношения с Помазанником Божиим.

Простодушных людей Гапон заманил на бойню, обманув их, что они якобы поднесут царю верноподданническую петицию о своих экономических тяготах. Будучи монархистами, они рассчитывали, что самодержец умерит аппетиты капиталистов и тем облегчит жизнь рабочего люда.

Именно верноподданнический вариант петиции (челобитную царю-батюшке) Гапон зачитывал на рабочих собраниях. Ни под чем другим рабочие не подписались бы. Но «в рукаве» Гапон держал принципиально иной текст – дерзкий политический ультиматум самодержцу с требованием перемен государственного устройства. Среди прочего ультиматум настаивал на введении «народного права прекращать войну» (данный пункт возник в связи с неудачной для России русско-японской войной), выборов в Учредительное собрание (парламент). Завершался ультиматум нарочито унижающей императора формулой: «Повели и поклянись исполнить».

Такая бумага явно провоцировала Николая II на отказ от диалога с рабочими, потому что это был бы уже не разговор с подданными, а диктат толпы. Именно этот вариант петиции Гапон сумел по чиновной цепочке довести до царя. Царь ожидаемо отверг саму возможность обсуждения этих принципиально неприемлемых по сути и по форме требований. 7 января он с семьёй отбыл из столицы в Царское Село, распорядившись перед отъездом шествия до Зимнего дворца не допустить. Без уточнения, каким образом не допустить.

Теперь, по замыслу провокаторов, ничто не препятствовало кровавому конфликту. Надутая спесью власть не дала себе труда распутать интригу и купилась на их уловку. Вхожий в высокие кабинеты, Гапон поклялся на Евангелии столичному градоначальнику генералу Ивану Фуллону, что члены возглавляемого им (Гапоном) Собрания русских рабочих Санкт-Петербурга исполнены благонамеренности, о чём свидетельствует их смиренная петиция. О другом, оскорбительном для царя варианте петиции, Фуллон не знал. Служба информации в высшем эшелоне власти работала хуже, чем у социал-революционеров.

Георгий Гапон и градоначальник Санкт-Петербурга Иван Фуллон на открытии Коломенской секции Собрания фабрично-заводских рабочих.

вую площадь. Эсеровские и большевистские боевики стояли наготове, чтобы внедриться в ряды демонстрантов и спровоцировать «огневые контакты» между толпой и войсками.

вечером 9 января скрывшийся от преследований полиции Гапон, призывая рабочих к вооружённому восстанию и свержению династии¹

Таким образом, все необходимые предпосылки для большого кровопролития были созданы: тысяч двести жителей рабочих окраин Петербурга изготовились по отмашке Гапона ломиться к Помазаннику Божию, которого в столице вообще не было. Полиция и войска гарнизона имели указание «не пущать» несанкционированное шествие на Дворцовую площадь.

«Зверь-царь, его чиновники-казнокрады и грабители русского народа сознательно хотели быть и сделались убийцами безоружных наших братьев, жён и детей. Пули царских солдат, убивших за Нарвской заставой рабочих, нёсших царские портреты, простреливали эти портреты и убили нашу веру в царя. Так отомстим же, братья, проклятому народом царю, всему его змеиному царскому отродью, его министрам и всем грабителям несчастной русской земли! Смерть им всем!», - писал воззвание

¹ Источник: Священника Георгия Гапона ко всему крестьянскому люду воззвание. Издание Партии Социалистов-Революционеров, 1905 г. Послание к рабочим, написанное Гапоном после расстрела мирного шествия 9 января 1905 года.

[https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%A2%D1%80%D0%B5%D1%82%D1%8C%D0%B5_%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%BA_%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%87%D0%B8%D0%BC_\(%D0%93%D0%B0%D0%BF%D0%BE%D0%BD\)](https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%A2%D1%80%D0%B5%D1%82%D1%8C%D0%B5_%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%BA_%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%87%D0%B8%D0%BC_(%D0%93%D0%B0%D0%BF%D0%BE%D0%BD))

Для боевиков это было делом техники: стрелять, метать бомбы и вовремя смыться заранее разведанными проходными дворами, чтобы не попасть под ответный огонь атакованных ими войск.

Военные и полицейские начальники, судя по всему, даже не пытались установить причины немотивированных обстрелов из рядов мирного шествия. Люди, несущие иконы, портреты царя и ведущие за руки малолетних детей, явно не могли палить по солдатам.

Увы, самодержавие в лице своих генералов не «включило голову», и события развивались точно по сценарию провокаторов: войска палили в толпу¹.

Смертной тоской и обречённостью веет от этой картины. Для простодушных людей непоправимость Кровавого воскресенья состояла в том, что царь, к которому они шли за справедливостью, их расстрелял. Последующие комментарии власти о коварных кознях (по сути, объективные) могли объяснить происшедшее, но не исправить.

Первым лицам империи не доставало прозорливости и остроты реакции, чтобы не поддаться на провокацию. Власть недооценила противника – решительных радикалов, не ограниченных никакими моральными принципами, беспощадных и крепко организованных. Короче, империя не заметила, как ей объявили войну на уничтожение.

Позже Николай II принял делегацию рабочих. Император упрекнул делегатов, что «мятежную толпу заявлять Мне о своих нуждах – преступно», но затем великодушно простил их вину²

¹ Хуже того. Власть даже задним числом не проанализировала свою ошибку и не сделала нужных выводов. В результате, спустя семь лет, большевики по той же технологии и с большим политическим эффектом повторили аналогичную провокацию на Ленских золотых приисках: подвели бастующих рабочих под залпы правительственных войск.

² Кавторин В.В. Первый шаг к катастрофе: 9 января 1905 года. - Л., 1992.

И за своё преступление (государственную измену) отделался, по сути, легким испугом – ссылкой, поскольку такие же как он предатели-либералы в надзорных и судебных органах решили своего не сдавать.

Алексей Александрович Лопухин – директор департамента полиции в 1902—1905 годах. М. Алданов в документальном очерке «Азеф» так характеризует Лопухина: «Бывший директор департамента полиции, близкий сотрудник Плеве, был русский интеллигент с большим, чем обычно, жизненным опытом, с меньшим, чем обычно, запасом веры, с умом пронизательным, разочарованным и холодным, с навсегда надломленной душой».

Здесь уместно напомнить, что, находясь в революционной среде, Сталин имел возможность изнутри наблюдать все тайные механизмы восстания 1905 года. И он там увидел следующее:

а) предательскую антигосударственную сущность российской оппозиции всех политических оттенков – леворадикальной, либеральной, националистической;

б) теснейшую связь этой оппозиции с внешними врагами России. Отсюда пожизненное недоверие Сталина ко всем разновидностям «международного интернационала».

История Гапона – яркая иллюстрация сокрушительного провала либеральной государственности.

Именно либеральные сановники высших и высоких рангов в лице премьер-министра Витте, начальников департамента полиции, ну и членов Священного Синода превратили этого темного авантюриста во влиятельного общественного деятеля.

В личности Гапона многое могло бы насторожить и чинов охранного отделения, и князей церкви. Цыганистый, с бегающими глазами Гапон, по отзывам близко наблюдавших его людей, был натурой ненадёжной, двойственной и в моральном отношении далеко не строгой. Притом прирождённый лицедей и кликуша.

Ни церковь, ни полиция не обратили внимания на существенный факт, который многое объясняет в поведении и в личности этого человека.

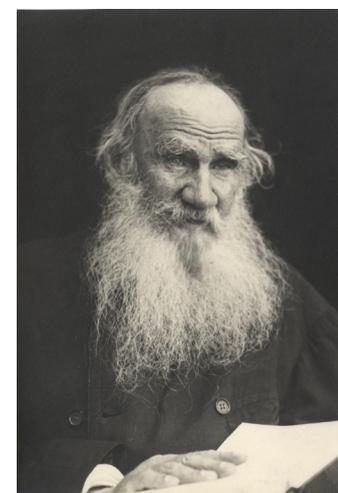
Ещё в годы учебы в Полтавской духовной семинарии Гапон не скрывал своей приверженности к толстовству – еретическому учению, где Лев Толстой отрицал Символ православной веры, отвергал церковные таинства и претендовал, если не заместить собою Христа, то, во всяком случае, стать с Ним вровень и «поправить» Священное писание.

Богоборческие претензии Толстого развились у него на фоне душевного расстройства, которое психиатры диагностировали в последний период жизни писателя¹.

Толстому вдруг не хватило литературной славы, и он ринулся в прокури и вероучители. В своём запредельном тщеславии Толстой возревновал и возненавидел такие разные мировые абсолюты, как Вильям Шекспир и Иисус Христос. В них он видел только соперников. При упоминании Шекспира рычал от ярости, из своего дома в Ясной Поляне велел убрать все иконы.

Бунт графа Толстого против Бога хищно, зорко подметил товарищ Ленин. В ненависти ко Христу они были родственны. Так же, как и Толстой, Ленин отличался безудержным, хамским богохульством.

Поэтому и объявил беснующегося старика «зеркалом русской революции» и приспособил его к своим пропагандистским нуждам².

Лев Николаевич Толстой

Кто-то из русских мыслителей, кажется, Соловьёв, подметил, что «триединство Бога не вмещалось в туповатый рационализм Толстого».

Меня смолodu удивляло, что при огромном, почти невероятном таланте художника, изобразителя жизни, «духовидца плоти» Льва Николаевича отличала полная философская беспомощность. И при титанической графомании он нагромоздил множество образцовых глупостей. Например. «Если сила плохих людей в том, что они вместе, то хорошим людям, чтобы стать силой, надо сделать то же самое». По каким признакам граф собирался сортировать человекoв на плохих и хороших, вряд ли ведомо ему самому.

Пустословие в чистом виде. Но авторство классика в глазах восторженных почитателей сообщает ему (пустословию) значимость.

¹ Русский психиатр с мировым именем Григорий Иванович Россолимо, приглашённый в Ясную Поляну родственниками Толстого, встревоженный его странностями, сделал следующее заключение о состоянии личности писателя: «Двойная конституция: паранойяльная и истерическая с преобладанием первой».

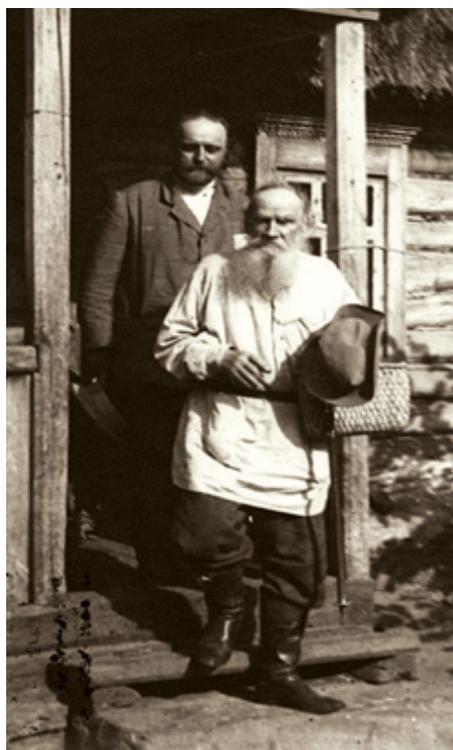
² Спустя время Ленин и ленинцы разберутся с толстовцами. Учение мятежного графа объявят мракобесием, последователей сошлют и посадят в тюрьмы. Но в преддверии «Великого Октября» толстовцы, как и либералы, окажут неоценимую услугу большевикам по раскачиванию ситуации в России.

Или еще: «Патриотизм как чувство есть чувство дурное и вредное. Как учение же – учение глупое»¹. Это даже и в комментарии не нуждается. Как и надменно-изуверский призыв пошедшего вразнос Льва Николаевича прекратить деторождение.

С возрастом «великий старец» все меньше и меньше понимал этот мир, что его сильно сердило и привело к решению отвергнуть Христа и повести человечество за собой. Спаситель, мол, не вполне божественен, поэтому делай как я. По определению психиатров – старческий нарциссизм.

Жизнь Ясной Поляны он превратил в череду кошмаров. Завидя сельский крестный ход, граф мог верхом на лошади подъехать к образу Божьей Матери и разразиться богохульной руганью.

Затюканная Софья Андреевна, надорванная крайностями супруга (от безудержной сексуальности до женоненавистничества), искала случая покончить с собой.

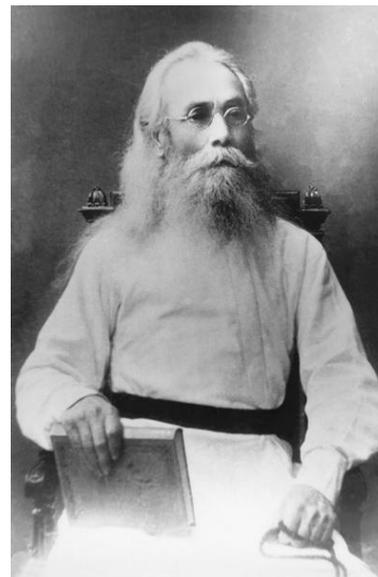
Л.Н. Толстой и В.Г. Чертков.

Притом, вместе с детьми, Софья Андреевна оказалась втянутой в изнурительную борьбу с «последней любовью» Льва Николаевича – его личным секретарем Владимиром Чертковым.

Чертков мечтал возглавить основанную на еретическом бреде своего патрона секту толстовцев и потакал всем его причудам, в том числе, намерению отказаться от литературных гонораров. Чему жена и наследники писателя, конечно же, энергично противились. Тем более, что все права на издание своих произведений Толстой намеревался передать Черткову...

И уход Толстого из жизни был окрашен мучительным безумием.

Святейший Синод тогда обратился в Оптину Пустынь то ли с поручением, то ли с просьбой, чтобы кто-то из великих праведников отправился на станцию Астапово, где слёг в постель бежавший из дома Толстой. Наверное, для Синода было политически важно примирить писателя с церковью. Но оптинские старцы пребывали выше политических выгод. И чудотворца Варсонофия привели в Астапово сострадание к старому грешнику и надежда помочь графу хоть на краю могилы вернуться к вере. Не свершилось. К умирающему Толстому святого старца не подпустили толстовцы.

Преподобный Варсонофий Оптинский. Прославлен в лике преподобных в 2000 году, входит в Собор 14-ти преподобных старцев Оптиной пустыни, в Собор Самарских святых.

Пространное отступление к Толстому и толстовству, надеюсь, пригодится читателю для понимания, что толстовец Гапон был таким же убежденным дезертиром православной веры, как и основатель упомянутой злой ереси.

После предательства веры отступник готов к любому другому предательству. Поэтому толстовец Гапон, не задумываясь, обменял тысячи жизней доверявших ему православных людей на карьеру вождя революции.

По своему поведению права на священство он не имел. У Петербургской митрополии имелись более чем серьезные основания снять с этого попа наперсный крест и запретить ему служение.

Будучи вдовцом, Гапон, как православный священник, не имел права на повторный брак. Однако, преподавая Закон Божий в женском тюремном приюте, вступил в сожительство со своей воспитанницей, то есть, по церковной формуле, состоял с нею в блуде. От приюта Гапона отставили, но сана не лишили, и при попустительстве церковных властей он использовал статус священника и авторитет церкви для политической провокации.

Стукачу-осведомителю нравственные добродетели не обязательны. Однако Гапону стражи государственности и веры поручали совсем иную миссию: окормлять рабочий люд и ограждать его души от соблазнов революции. Для такой задачи требовался человек безупречный, а никак не Гапон.

¹ Толстой Л. Н. Патриотизм и правительство. П. с. соч. в 90 томах, академическое юбилейное издание, том 90, Государственное Издательство Художественной Литературы, Москва – 1958.

Но любая спецслужба по природе своей деятельности вербует себе в агенты не миссионеров-подвижников. Ей ближе и привычнее иной человеческий материал – провокаторы. Исключения возможны, но они только подтверждают правило.

Надо думать, именно склонность чинов охранного отделения вербовать людей с моральными изъянами объясняет, почему они поставили именно на Гапона.

А снисходительность церковных властей к этому мутному попу почти наверняка была их уступкой департаменту полиции. Подобное попустительство характерно для империй времён их упадка¹.

¹ В Советском Союзе для давления на церковь власть установила среди прочего следующий порядок: ни один священник РПЦ не мог получить приход без согласования с региональным отделом по делам религий и культов. Таким образом, любой неугодный советской бюрократии пастырь рисковал остаться безработным, то есть без службы и без средств к существованию.

И наоборот, нужного ей священнослужителя власть подчас продвигала вопреки воле правящего архиерея.

Характерный пример подобной практики рассказал мне в конце 80-х годов архиепископ Иркутский и Читинский Хризостом. Он попытался было расстричь (лишить монашеского сана) блудливого, вороватого попа, но не был поддержан Синодом, который не пожелал «нарушать благолепие». Вскоре высокопреосвященный понял, кто крышует паршивую овцу: местный уполномоченный по делам религий настоятельно просил о снисхождении к «оступившемуся».

Владыка (мысленно) послал гражданина уполномоченного и властью архиерея изгнал порченного попа из епархии. Однако не прошло и трёх месяцев, как этот вор и блудодей получил приход в Хабаровске. Так, продавливая на должности зависимых от них моральных уродов, власть создавала себе рычаги влияния на церковь, подрывала ее авторитет.

Симптоматично, что Советский Союз унаследовал от Российской империи и довёл до конечного абсурда начатый Петром I процесс превращения Русской церкви в служебный, почти рудиментарный придаток государства.

ГЛАВА 3. РЕВОЛЮЦИЯ БЕЗ РОМАНТИКИ I. ЯПОНСКИЕ СМОТРИНЫ РУССКОЙ ОППОЗИЦИИ В ПАРИЖЕ

От Кровавого воскресенья вернёмся на несколько месяцев назад, в сентябрь 1904 года. В эти дни в столице Франции происходило знаковое событие: здесь наши радикалы, собравшись в отеле «Лион», абонированном для них японским генштабом, спланировали первую русскую революцию¹.

На Дальнем Востоке в это время уже полыхала война. Однако, несмотря на острый дефицит бюджета, Япония щедро финансировала поддержку российской пятой колонны. Настоял на этом бывший военный атташе японского посольства в России (с началом войны – резидент японской разведки в Европе) Мотодзиро Акаси.

¹ В Парижской конференции в октябре 1904 года приняли участие представители оппозиционных и революционных партий России с целью выработки совместного плана борьбы против русского самодержавия. Организаторами конференции были лидер финской Партии активного сопротивления Конни Циллиакус и резидент японской разведки полковник Мотодзиро Акаси.

Представители Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) в последний момент отказались от участия.

Итоговый текст резолюции Парижской конференции: а) уничтожение самодержавия; отмена всех мер, нарушивших конституционные права Финляндии; б) замена самодержавного строя свободным демократическим режимом на основе всеобщей подачи голосов; в) право национального самоопределения; гарантированная законами свобода национального развития для всех народностей; устранение насилия со стороны русского правительства по отношению к отдельным нациям. Было принято решение, что партии будут действовать свойственными им методами борьбы. «Союз освобождения», например, через печать и земские собрания будет выдвигать требования немедленного введения конституции и амнистии политических заключённых. Революционные партии будут работать на организацию студенческих беспорядков, крестьянских волнений и демонстраций рабочих фабрик и заводов. Партии оставляют за собой право на единичный и массовый террор, вооружённые восстания. После террористических актов партии, поддерживая друг друга, организуют выступления в печати с выдвиганием политических требований.

Все партии должны устно и через печать агитировать против продолжения непопулярной войны, предрекать поражения русской армии и флота и винить в военных неудачах царя и его правительство.

Логическим продолжением Парижской конференции стала Женевская конференция одиннадцати российских революционных партий в апреле 1905 года.

От участия в конференции заранее отказались представители меньшевистской фракции РСДРП во главе с Г. В. Плехановым.

По итогам конференции были выработаны две совместные декларации, в которых содержались призывы к вооружённому восстанию, созыву Учредительного собрания, созданию в России федеративной демократической республики и к социализации земли.

Главным практическим результатом конференции стало создание единого Боевого комитета, который должен был вести всеми видами вооружённой борьбы.

По сведениям, почерпнутым из секретного доклада полковника М. Акаси, оружие в Россию предполагалось доставлять морем. Отдалённым последствием этих решений можно считать организацию доставки оружия в августе 1905 года на пароходах «Джон Графтон» и «Сириус».

Японцы не без удивления обнаружили в России силы, искренне желающие поражения своей стране в войне с Японией. И решили рассмотреть эту публику вблизи, чтобы понять, можно ли её использовать в деле дезорганизации русских стратегических тылов. Для чего и приняли на себя расходы по проведению «объединительной конференции» революционных партий.

К слову, Япония имела в то время едва ли не лучшую разведку в мире, которая активно воровала не только военные, но и технические секреты. Причём, добытые таким путём передовые технологии быстро применяла у себя на островах. Сами японцы назвали этот период своей истории эпохой модернизации. Именно тогда, в 90-х годах XIX века, японцы по технологии, заимствованной у США, начали строить первые небоскрёбы. И, характерно, что в одной из первых высоток в Токио японский генштаб разместил центр читки и обработки всей печатной продукции мира.

Тут японцы, безусловно, оказались впереди планеты всей. Беспечное, еще не пуганое мировыми войнами человечество доверяло газетам, журналам, всякого рода календарям и туристическим справочникам бездну сведений, составляющих, на самом деле, государственную тайну.

Открытка. Достопримечательности Токио. Один из первых небоскрёбов, возведённых в конце 19 века по американской технологии.

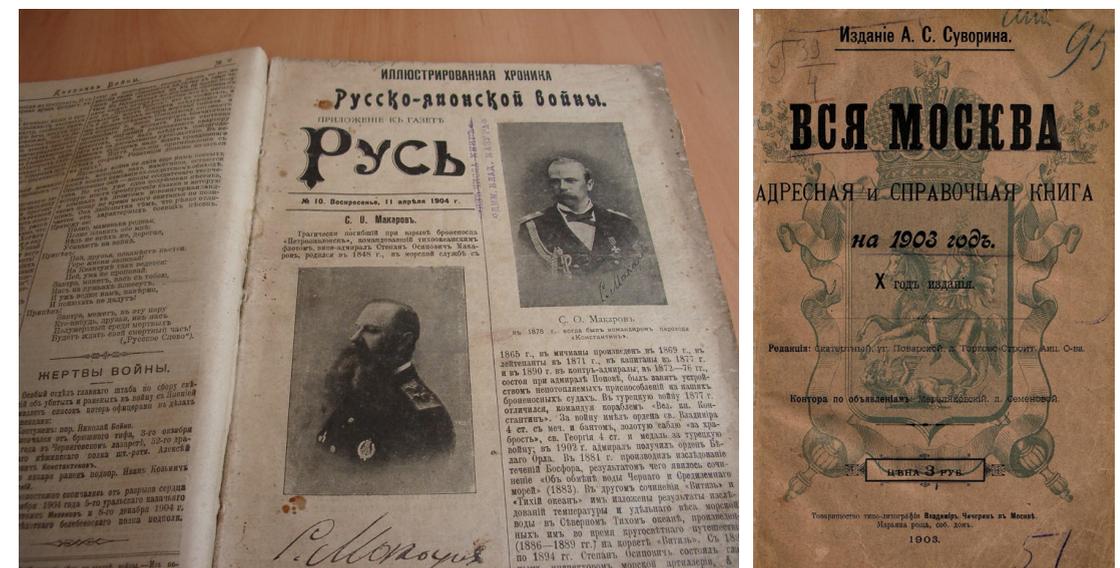
Тысячи полторы японских читчиков мировой прессы как мураши бегали по строчкам, выбирали крупинки информации, пригодной для стратегического анализа.

Похоже, именно японцы первыми превратили сбор разведанных в массовую индустриальную профессию.

Календари-ежегодники, путеводители для туристов, справочники и толстые журналы служили открытыми источниками, из которых японская разведка безвозмездно черпала данные о состоянии российской экономики, пропускной способности железных дорог, тоннаже торгового флота, настроениях в разных слоях общества и другую стратегическую информацию, готовясь к надвигающейся русско-японской войне.

Мир ещё не вступил в эпоху глобальных военных конфликтов, и великие державы довольно беспечно смотрели на свободу печати.

На рубеже 19-20 веков десятки тысяч японских агентов, маскируясь под китайских гастарбайтеров: разнорабочих-кули, бродячих сапожников, фотографов, парикмахеров, фокусников и пр., отращивали косички и растекались по интересующим японский генштаб странам.

Особо ценным источником сведений о русской армии для Японии был «Вестник Маньчжурской армии», в котором публиковались не только списки потерь, но и указания точных позиций русской армии. Так, в №212 и 245 «Вестника» были помещены «всеподданнейшая» телеграмма главнокомандующего генерала Линевича и приказ о производстве смотра прибывшим на театр военных действий пластунской бригаде, 4-й стрелковой бригаде и кавказской казачьей дивизии. В №225 был опубликован приказ главнокомандующего за №444 о производстве смотра 5, 17 и 9-му армейским корпусам 3-й армии и 10 и 6-му сибирским корпусам 3-й армии¹

¹ Деятельность японской разведки и российской контрразведки в годы русско-японской войны 1904–1905 гг.
<http://www.oboznik.ru/?p=36470>

В Россию эти фальшивые китайцы (смешиваясь с настоящими) просачивались, в основном, через Маньчжурию. Надо признать, что маскировка под китайцев давала японским агентам исключительные преимущества: русские власти не усматривали в китайских подданных источник опасности, не препятствовали их свободе перемещения и предпринимательству.

В результате эти японские шпионы под видом бродячих фотографов вели съёмки русских укрепрайонов на Дальнем Востоке и топографическую съёмку местности. Под видом китайских поваров и слуг проникали в дома высокопоставленных чиновников и военных.

Почти полное, в связи с войной, прекращение местной торговли способствовало проведению успешной вербовки китайцев на сторону японцев. Особую ценность для японской разведки составляли китайцы, хорошо знавшие русский язык. На содержание этой категории своих шпионских кадров Япония тратила огромные средства. По свидетельству разоблаченных агентов, они получали по 200 иен ежемесячно, что по тем временам представляло довольно солидную сумму. Не знавшим русского языка и не представлявшим особую ценность агентам выплачивалось около 40 иен¹.

Во Владивостоке, Благовещенске и Чите японские резиденты организовали экзотические респектабельные бордели для купечества и офицерства. Причём, на эти заведения японские резиденты получали от генштаба только стартовый капитал.

¹ Османов. Е. М. Деятельность японской разведки и российской контрразведки в годы русско-японской войны 1904–1905 гг. http://militera.lib.ru/docs/da/sb_yaponskiy_shpionazh/pre.html

В дальнейшем такие «эффективные конторы» по развязыванию языков работали на самоокупаемости¹.

Носильщики на вокзале в Хабаровске.

Для сбора сведений о передвижении русских войск японские агенты были заброшены на все крупные станции Сибирской железной дороги. А у российских контрразведчиков возникали сложности с доказательной базой в отношении шпионов, так как дело о шпионаже требовало длительных оперативных разработок и точных доказательств. В результате деятельность японских шпионов до начала войны часто оставалась безнаказанной².

Таким образом, наш потенциальный противник был всесторонне информирован о положении дел в России. Особо пристально его резидентура, возглавляемая военным атташе посольства Японии в Санкт-Петербурге полковником Мотодзиро Акаси, присматривалась к лидерам наших либералов, революционных радикалов и национал-сепаратистов. В результате этих наблюдений вдумчивый Акаси пришел к выводу, что ради своих амбиций упомянутая публика готова к любым подрывным действиям против империи.

И когда началась русско-японская война, полковник Акаси пригласил потенциальных русских пособников в фешенебельный отель «Лион» в Париже. Вот ключевые персонажи этой сходки.

¹ Часовой М.Х. Угроза сибирскому востоку. С-Петербург. 1906.

² Жабицкий А.К. Деятельность разведки и контрразведки России и Японии в Северо-Восточном Китае в период окончания Русско-японской войны 1904–1905 гг. <http://izvestia.asu.ru/2011/4-1/hist/TheNewsOfASU-2011-4-1-hist-17.pdf>

Милюков Павел Николаевич – в 1904 году один из лидеров либерального «Союза освобождения», позднее – глава кадетской (конституционно-демократической) партии, депутат Госдумы. Во время революции 1905 года являлся японским агентом влияния.

Во время Первой мировой войны, по данным начальника департамента полиции Герасимова, Милюков, по согласованию с послом Британии Бьюкененом, распространял клеветнические слухи о

«прогерманском заговоре» русской императрицы¹. Умер в эмиграции.

Виктор Михайлович Чернов – член ЦК ПСР (партии социалистов-революционеров), идеолог террора. С готовностью принял финансовую поддержку на нужды русской революции от воюющей с Россией Японии. Умер в эмиграции.

Евно Фишелевич Азеф – член ЦК ПСР, глава ее боевой организации; террорист, организовавший 263 политических убийства. Активно участвовал в «освоении» японских денег – приобретении и доставке в Россию оружия и взрывчатки для боевиков ПСР. Деятельность революционера успешно совмещал с обязанностями полицейского провокатора². Разоблачен эсерами, но партийного суда избежал. Умер в 1918 году в Берлине.

Марк Андреевич Натансон – член ЦК ПСР. Поддержал финансирование революции в России Японией. Являлся сторонником боевого взаимодействия эсеров с большевиками. Однако в 1919 году разочаровался в Ленине и уехал из Советской России. Умер в эмиграции.

Конни Циллиакус – один из лидеров финской «Партии активного сопротивления», энергичный авантюрист. Лично выполнял поручения полковника Акаси по организации конференций российских оппозиционных партий в Париже и в Женеве.

В 1905 году, опять же на японские деньги, вместе с эсерами и сепаратистами переправлял в Россию транспорты с оружием. В 1909 году, после обнаружения властями Финляндии его сотрудничества с японской разведкой, опасаясь ареста, покинул страну. Остаток

Георгий Михайлович Деканозов (Деканозишвили) – деятель грузинской партии социалистов-федералистов, добивавшейся широкой автономии Грузии. Федералисты приняли японскую финансовую помощь на организацию вооружённой борьбы с российским империализмом.

Деятели социалист-федералистской революционной партии Грузии. В центре полулежит Георгий Деканозов (Деканозишвили).

¹ Хрусталев В. Романовы. Последние дни Великой династии. http://thelib.ru/books/vladimir_hrustalev/romanovy_poslednie_dni_velikoy_dinastii-read-14.html

² Спиридович А.И. Записки жандарма. – Харьков: «Пролетарий», 1928. <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/gendarme.htm>

Совместно с финским сепаратистом Циллиакусом Деканозов закупил партию швейцарских винтовок (8,5 тысяч штук при полутора миллионов патронов) и зафрахтовал голландское судно «Сириус» для доставки этого груза в район черноморского порта Потти.

Однако при попытке доставить эти стволы баркасами в Батум и в Сухум часть их сумели перехватить российская полиция и пограничная стража. Часть винтовок выбросила за борт голландская команда «Сириуса», поскольку грузины не уложились в договорные сроки приёма груза, а голландцы побоялись дальше торчать в территориальных водах Российской империи, рискуя своим судном и свободой.

И всё-таки более двух тысяч стволов из японской «гуманитарной помощи» дошли до получателей и участвовали в кровавых беспорядках на Кавказе в 1905 году.

По сведениям русской полицейской агентуры, Деканозов также получал деньги от банкирских домов Англии и Америки на «борьбу за свободу Грузии». Позднее поладил с большевиками и как представитель советской власти служил в английской нефтяной концессии на бакинских нефтепромыслах. Умер при неизвестных обстоятельствах в 1938 году.

Мотодзиро Акаси (на конференции в Париже лично не присутствовал, хотя являлся её организатором и через своих агентов контролировал её ход) – полковник генерального штаба Японии. С 1902 года военный атташе в России. На тот момент он уже числился в стране восходящего солнца лучшим экспертом по вопросам внешней политики. С началом русско-японской войны Акаси переведён в Швецию, отсюда он формирует общеевропейскую агентурную сеть, нацеленную на Россию. Задача Акаси – дестабилизация рус-

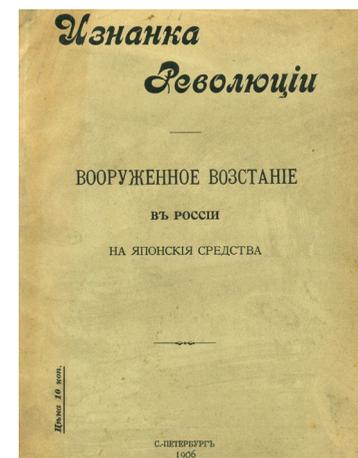
ских тылов с помощью «пятой колонны» из либералов, радикал-революционеров, национал-сепаратистов.

В Европе Акаси лично встречался со всеми основными игроками российской политической эмиграции. Характерно, что от сотрудничества с воюющей против его родины Японией отказались только лидеры меньшевистского крыла РСДРП Юлий Мартов (Цедербаум) и Георгий Плеханов. Все прочие «борцы» за свободу оказались «власовцами».

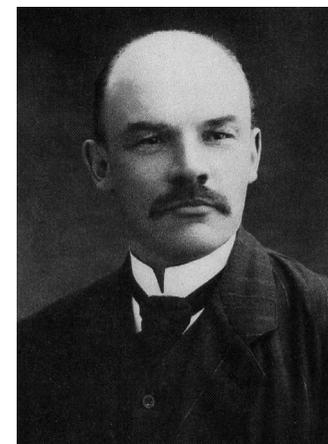
Объективно, события, инициированные Акаси в России, помешали ей перебросить в Маньчжурию свои войсковые пополнения и дожать Японию до капитуляции.

Вместо этого Россия заключила далеко не почётный для себя мир, по которому уступила Японии половину острова Сахалин и ушла из Северного Китая.

За русскую революцию Акаси получил генеральские эполеты и титул барона.

В 1906 году в России А.С. Сувориным была опубликована брошюра «Изнанка революции. Вооружённое восстание в России на японские средства», в которой освещалась тайная деятельность Акаси, в свою очередь, пересказанная европейскими газетами. Через Акаси финансировались российские революционеры, финские, польские и кавказские сепаратисты: на подрывную деятельность в России было израсходовано не менее одного миллиона тогдашних иен (сегодня эквивалентных 8 млрд. иен, или 2,7 млрд. рублей), выделенных японским генеральным штабом¹.

Владимир Ильич Ленин, будучи опытным конспиратором, не захотел лично светиться на большой тусовке российских революционеров в Париже. Понимал, что такая сходка радикалов привлечёт к себе полицейскую агентуру сразу нескольких стран. Да, к тому же, и японские уши над мероприятием торчали довольно явно.

Глава большевиков, он имел возможность и без личного присутствия (через приехавших в Париж латышских социал-демократов) держать руку на пульсе, чтобы в нужный момент истребовать у эсеров и сепаратистов свою долю от поставок японского оружия в Россию (что ленинские боевики и проделывали, когда японская оружейная контрабанда пересекала границы империи).

¹ Японский резидент против Российской империи. Полковник Акаси Мотодзиро и его миссия 1904-1905 гг. <https://coollib.com/b/289485/read>

* * *

Кроме названных здесь *vir*-персон назревающей русской революции, лично либо опосредованно участвующих в конференции, в отель «Лион» слетелись польские, армянские и еврейские националисты. Максимальную активность проявил Юзеф Пилсудский, который еще до конференции ездил в Японию просить денег на освобождение Польши от москалей.

Но если кто и чувствовал себя здесь именинником, так это Евно Азеф. На главного террориста сыпались поздравления по поводу недавнего убийства министра внутренних дел Плеве.

Наверно, японские генштабисты посмеивались меж собой над помощью российской власти, которая позволяла своим внутренним врагам внаглую строить ей козни.

В самой Японии тогда тоже нашлись свои либералы и пацифисты, поднявшие голос против войны. С этими недовольными гражданами поступили неординарно: их под конвоем собрали в казармы, сформировали из них нечто вроде штрафных батальонов и погнали впереди наступающей армии на штурм русских укрепрайонов. С тех пор в Японии практически нет пацифистов.

Мировая практика показала, что адекватное правительство при военной опасности безжалостно пресекает любые проявления недисциплинированности в войсках, равно как и пацифистскую пропаганду. Даже в либеральной Франции во время Первой мировой войны проявления анархии в войсковых частях карались децимацией – расстрелом каждого десятого солдата. И эту войну Франция в составе Антанты выиграла, несмотря на выход России из числа союзников.

Российская империя в канун революции 1905 года вместо того, чтобы решительно обезглавить антигосударственные структуры, по сути, лишь оборонялась от их второстепенных агентов – контрабандистов оружия и нелегальной литературы, боевиков, агитаторов и прочих функционеров, которые были только расходным материалом революционных партий. Тогда как лидеры движения в комфорте и безопасности проживали в Европе и Америке и оттуда руководили процессом.

Судя по донесениям полиции, в империи были осведомлены о деятельности антиправительственных центров. Но явно недооценивали их опасность для заигравшейся в правовое государство царской России. Тогда как ленины, троцкие (с их оргструктурами и иностранными спонсо-

рами русской революции) плюс набравшие политический вес личности типа профессора Милюкова уже, как сказано выше, развязали с Россией войну без всяких правил и моральных ограничений. Имперская власть самонадеянно полагала, что сможет сосуществовать с милюковыми и контролировать лениных.

Административная дряблость империи в этот период оборачивалась следствиями плачевными и позорными.

Национал-сепаратисты на Кавказе устроили бойню, повлекшую сотни жертв. А в Забайкалье революционеры с помощью политических ссыльных отстранили от власти губернатора, блокировали Транссиб и перекрыли правительственную связь. Для расширения границ мятежа читинские социал-демократы направили иркутским товарищам два вагона винтовок.

Между тем, успехи революции в Забайкалье свидетельствовали не о силе мятежников, а о слабости власти. Читинский гарнизон без боя уступил горстке нахрапистых бунтовщиков оружейные склады.

Характерно, что для ликвидации так называемой Забайкальской республики хватило всего-навсего двух пехотных батальонов¹.

Вместе с батальонами по Транссибу следовали военно-полевые суды. Так, на станции Слюдянка каратели перехватили транспорт с оружием и расстреляли пятерых сопровождающих во главе с агентом газеты «Искра» Иваном Бабушкиным. На другой станции был осуждён на казнь телеграфист, который прятал у себя правительственные телеграммы из Петербурга, не доводя их до получателей. Далее, по ходу движения, был приговорен к смертной казни паровозный машинист, отказавшийся вести воинский эшелон, который следовал с театра военных действий русско-японской войны². Солдатики из задержанного эшелона, разгоряченные революционными агитаторами, начали было бузить, но подоспевшие каратели пинками и прикладами загнали их в вагоны и, прицепив паровоз, отправили состав по назначению – на Урал.

Так же решительно, хотя и малой кровью, был восстановлен государственный порядок на всей Забайкальской железной дороге. Увы, имперская власть не извлекла урока из этих событий, оставила всё как есть.

¹ Один из этих батальонов двигался на поезде с Востока, другой – с Запада. В районе восстания было объявлено военное положение, но мятежники не отважились воевать с правительственными войсками. И те за неделю восстановили движение поездов и телеграфную связь.

² Таким образом восставшие рассчитывали спровоцировать фронтовиков на массовые беспорядки.

ГЛАВА 4. ТЕРРОР ПРЕКРАСЕН! ФЕНОМЕН ЛИБЕРАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ И МОДА НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ УБИЙСТВО

Атмосфера парижской конференции зеркально отразила введённую в ту пору в России моду на революционный террор.

Это сильно смахивало на коллективный психоз, да, по-видимому, таковым и являлось: богатые барыньки наперебой зазывали в свои салоны бомбистов. Всех перецеголяла эпатажная поэтесса Зинаида Гиппиус: у нее в парижском доме стал бывать даже сам фатальный Борис Савинков.

Зинаида Николаевна Гиппиус – русская поэтесса и писательница, драматург и литературный критик, представительница Серебряного века.

Революция сделалась столь модной, что вчерашние бандиты и грабители почти сплошь перекрасились из вульгарных гопников в идейно-романтических экспроприаторов. Даже возбуждшиеся мещане стали изображать из себя террористов. Какой-нибудь ученик аптекаря, уколовшись морфином, стрелял из дешевого никелированного револьверчика в безобидного городского, а то и в случайного прохожего, одетого в чиновничий вицмундир.

Смирный придурковатый батрак, ухвативший из базарных разговоров идею «экса», вдруг кромсал кухонным ножом старуху-хозяйку и выдирал из её ушей серьги.

Губернские газеты зачернели некрологами. Почти все убитые были государственными служащими. На этом фоне «властители дум» беллетристы выдавали читающей публике мрачно-торжественные саги о рыцарственных киллерах, убивающих царских сатрапов и бесстрашно идущих на эшафот.

Саги во славу террора озадачивают одной странностью: действия героев лишены мотивации. Читателю не объясняют, за что именно и с какой целью революционеры «казнят» министров и губернаторов, ограничиваясь общими словами о возмездии. Логика тут такова, что убий-

ство правительственного чиновника по умолчанию уже есть подвиг.

Таков феномен либерального сознания: практическая и нравственная оценка отброшены в сторону. Предмет (событие) оценивается только с эстетической точки зрения. А эстетика, в отличие от Божьих заповедей, меняется вместе с модой. Захотелось писателю-либералу показать, как это здорово – застрелить губернатора и красиво умереть на виселице – и показал!

Как все еретики христианской веры, либералы пытались приспособить Христа к своему неверию. Результатом этих попыток стал беллетристический миф о «святости» террористов-смертников. В «Рассказе о семи повешенных» Леонида Андреева террористы – это чуть ли не христианские мученики(-цы), исполненные любви и сострадания к ближнему¹. На пути к виселице они великодушно поддерживают оказавшихся с ними в компании и павших духом убийц-уголовников.

То есть сочинивший это Андреев хотя и осторожно, но прозрачно сближает свою выдумку с евангельским сюжетом о разбойнике благомысленном, распятом рядом со Спасителем.

Однако, как документальная история морского пиратства не знает «благородных корсаров» (существующих исключительно в воображении беллетристов), так и история политического террора не знает прекраснородных убийц.

Известен, правда, исключительный эпизод, когда бомбист Каляев отложил покушение на великого князя Сергея Александровича, увидев с ним в карете женщину и двух девочек. Свое решение он объяснил руководству партии социалистов-революционеров²

¹ Самое известное, можно сказать, каноническое литературное произведение о русском терроре – «Рассказ о семи повешенных» Леонида Андреева. http://az.lib.ru/a/andreew_l_n/text_0400.shtml

² Партия социалистов-революционеров (эсеры) – наиболее многочисленная и самая влиятельная немарксистская социалистическая партия. Создана на базе народнических организаций. Активнейшая участница революционного террора, исполняемого знаменитой Боевой организацией эсеров (БО). После Февральской революции её представителям принадлежал ряд ключевых постов в правительстве. Привлекательными для населения были идеи демократического социализма и мирного перехода к нему. Основным автором программы был главный теоретик партии Виктор Чернов. Предполагалось, что социализм в России будет внедряться через деревню, через социализацию земли. Органической формой социализма эсеры считали политическую свободу и демократию. Эсеры раньше, чем социал-демократы, выдвинули требование федеративного устройства Российского государства. В регионах, где большим влиянием пользовались эсеры (Сибирь, Поволжье, Черноземье) процесс установления власти большевиков затянулся до конца января 1918 года. К 1925 году партия фактически перестала существовать. Центрами эсеровской эмиграции стали Париж, Берлин и Прага. Во второй половине 1930-х годов эсеры в самом значительном из эмигрантских литературных журналов «Современные записки» призывали Советскую Россию «назад к капитализму».

тем, что гибель случайных спутниц великого князя подорвала бы авторитет партии эсеров. Очевидно, что Каляев поставил лидеров ПСР перед свершившимся фактом, который им пришлось принять.

Но это исключение. И в прежней, и в дальнейшей практике мы видим, что революционеры на подобные сантименты внимания не обращали и, не задумываясь, рвали бомбами в куски всех оказавшихся рядом с жертвой теракта.

Народоволец Степан Халтурин при покушении на Александра II в Зимнем дворце в 1880 году намеревался во время ужина отправить на тот свет и его семью вместе с придворными, слугами и дворцовым караулом. Но царь опоздал к ужину, и жертвами взрыва стали «только» девятнадцать солдат и унтер-офицеров, героев русско-турецкой войны, стоявших в тот день в наряде.

Так же, как при одном из одиннадцати покушений на премьера П.А. Столыпина, эсеры взрывом на его служебной даче, 12 августа 1906 года, убили и искалечили более шестидесяти человек, включая чиновников (премьер работал в то время на даче, и у него был приемный день), посетителей и слуг. Кроме того, пострадали двое детей Столыпина: 14-летней дочери Наташе раздробило кости обеих ног и контузило трёхлетнего сына Аркадия.

Демоническую природу терроризма пронизательные люди постигли ещё при первых его системных проявлениях – в 13 веке. И поняли при этом, что правила рыцарских поединков террористы не приемлют. Так, княжества крестоносцев на Ближнем Востоке обнаружили, что местная террористическая секта ассасинов обладает целой группой убийц-смертников и устранением строптивых правителей добивается выплаты дани с соседних халифатов. И ослабевшие в духовном и военном отношении католики-крестоносцы тоже стали данниками этих бандитов.

От унижительной зависимости перед ассасинами европейцев избавил отряд монголов-крестоносцев под командованием Китбуги-нойона¹. В ответ на шантаж террористов Китбуга окружил их укреплённые цитадели, с помощью китайских инженеров взломал оборону и вырезал всех, кто не успел разбежаться. После этой антитеррористической акции монголов ассасины уже не могли прийти в себя и возобновить свою

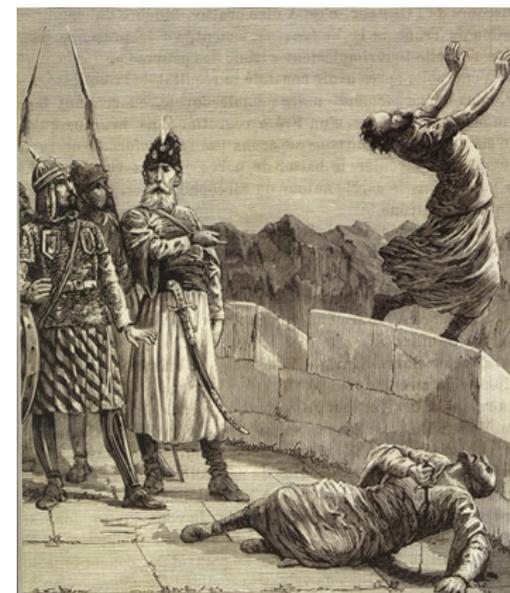
¹ Монгольские христиане (в основном несторианского толка) в 13 веке параллельно с европейским рыцарством предприняли поход за освобождение Гроба Господня. Однако политические амбиции наследников Чингисхана вошли в противоречие с интересами европейских государей. И католики ловко подставили монгольских союзников превосходящим силам арабов. В итоге отряд Китбуги почти полностью погиб.

специфическую деятельность.

Итак, Китбуга-нойон первым в обозримой истории дал человечеству золотое правило: не вступать в сделку с демонами террора; хороший террорист – мёртвый террорист.

И уже без малого тысячу лет никто не доказал обратного.

История профессиональных террористических организаций – от средневековой секты ассасинов до современных «исламского государства» или Аум синрикё – это вполне циничные технологии, основанные на отборе рядовых (разовых исполнителей).

Ассасины демонстрируют Генриху, графу Шампанскому, королю Иерусалима свое презрение к смерти: показательное самоубийство нескольких членов общины было выполнено перед гостем с поистине театральным пафосом и произвело нужное впечатление. Государство крестоносцев признало, что защититься от бесстрашных убийц-смертников невозможно, и стало откупаться от них данью.

В «шахиды»¹ никогда не вербуют людей независимых, с устойчивой психикой. Пояса с пластитом соглашаются надеть на себя личности внушаемые. И к ним организаторы террора применяют богатый инструментарий воздействия: зомбирование на религиозной основе, специальные программы наркотизации, шантаж. То есть, кандидату в «шахиды» объясняют, что его ближайшие родственники отныне становятся заложниками и при отказе «шахида» от самопожертвования им грозит смерть. Этот комплекс технологий вкуче с бизнес-составляющей сделал политический террор мировой индустрией.

¹ В мусульманской традиции шахид – мученик, павший в битве с врагами ислама. Применение этого звания к террористам-смертникам, убивающим невинных людей, с точки зрения мусульманских богословов, незаконно. Поэтому здесь оно для корректности заключено в кавычки.

Из-за параноидальной засекреченности и мифологизации истории русских революций мы знаем об эсеровском, народовольческом и большевистском терроре едва ли не меньше, чем о соответствующих практиках ИГИЛ.

Однако, даже скудные подробности известных политических убийств говорят о том, что русский террор по своей технологии несколько не выбивается из упомянутых здесь закономерностей.

Так, метальщиками фугасов при убийстве царя-освободителя Александра II (1881 год) выступили молодые люди с выраженными психическими проблемами. Бывшим студентом из шляхтичей Игнацием Гриневицким владела навязчивая «религиозная» идея: он расстался со своей невестой, поскольку готовился гореть в аду за освобождение от власти тиранов и «своей смертью сделать всё, что должен сделать».

О чем он сообщил своим друзьям¹. (Именно Гриневицкий привел в действие снаряд, смертельно ранивший царя и его самого).

Другой бомбист, 19-летний мещанин Николай Рысаков на допросе показал, что накануне и во время теракта находился в некоем ослеплении и не вполне владел собой. Характерно, что, судя по материалам следствия, Рысаков не оправдывал этим своих действий. Не просил о снисхождении, а лишь констатировал ситуацию.

«... Я не был закоренелым извергом, но случайно вовлечен в преступление, находясь под влиянием других лиц, исключавшим всякую возможность сопротивления с моей стороны, как несовершеннолетнего юноши, не знавшего ни людей, ни жизни.... Боюсь лишь немедленно предстать на Страшный суд Божий, не очистив моей души долгим покаянием. Поэтому и прошу не о даровании мне жизни, но об отсрочке моей смерти», – из прошения Рысакова на имя Александра III.²

¹ Отрывок из завещания Игнатия Иохимовича Гриневицкого (1856 – 1881.1 марта). «Народная воля» в документах и воспоминаниях / под ред. А. В. Якимовской-Диковской; М. Ф. Фроленко; И. И. Попова и др. - [М., 1930]. С. 249. <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/14463-narodnaya-volya-v-dokumentah-i-vozpominaniyah-m-1930#mode/inspect/page/253/zoom/4>

² Николай Иванович Рысаков http://www.hrono.ru/biograf/bio_r/rysakov.php

Дальнейшая история политического террора показала, что кадры рядовых убийц в основном вербовались революционными технологами из среды умственно ограниченных юнцов.

Но при этом направляли действия бомбистов только сильные личности, такие, как Софья Перовская.

Из письма С. Перовской матери из тюрьмы перед судом по делу 1 марта 1881 года: «... Я о своей участи несколько не горюю, совершенно спокойно встречаю её, так как давно знала, что рано или поздно, а так будет. ... Дорогая мама, купи мне воротничок и рукавички... для суда хоть немного поправить свой костюм...»¹

При подготовке и проведении убийства Александра II все исполнители следовали её воле, словно куклы на ниточках. К сожалению, природа этой её власти над людьми или не была исследована, или же подробности следствия были уничтожены.

По отзывам современников, неотразимо гипнотически манипулировал исполнителями первый глава и создатель боевой организации эсеров Герш Исаак Ицков, более известный под именем Григория Гершуни.²

¹ Письмо С. Л. Перовской матери. «Народная воля» в документах и воспоминаниях / под ред. А. В. Якимовской-Диковской; М. Ф. Фроленко; И. И. Попова и др. - [М., 1930]. <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/14463-narodnaya-volya-v-dokumentah-i-vozpominaniyah-m-1930#mode/inspect/page/254/zoom/4>

² Гершуни Григорий Андреевич – из мещан, родился в 1870 году в Ковно. Учился в Киевском университете, провизор. Со студенческих лет в революционном движении. Фабриковал фальшивые паспорта, организовывал подпольные типографии, занимался контрабандой нелегальной литературы. С 1902 года ушёл в организацию террора. Лично организовал убийство министра внутренних дел Д. С. Сипягина, уфимского губернатора Н. М. Богдановича, покушение на харьковского губернатора князя И. М. Оболенского и другие резонансные теракты. Гершуни – основатель и первый руководитель боевой организации эсеров, член ЦК ПСР. Коллеги-революционеры и полиция отмечали в нём выдающегося вербовщика, который сагитировал множество молодых людей на роль разовых исполнителей политических убийств. В 1903 году арестован, но смертный приговор заменён каторгой. В 1906 году эсеры устроили ему побег из Акатуйской тюрьмы (Забайкалье). После побега жил за границей, выступал с лекциями в США, где благодаря своей популярности собрал на нужды партии социалистов-революционеров 80 тысяч долларов. Тяжело пережил разоблачение в провокаторстве своего товарища и преемника на посту главы боевой организации Евно Азефа. В это известие Гершуни отказался верить и настаивал на своём совместном с Азефом въезде в Россию для убийства Николая II. Умер в Цюрихе в 1908 году от саркомы лёгкого. Источник: Чернов В. М. «В партии социалистов-революционеров. Воспоминания о восьми лидерах». — СПб, 2007. <http://ldn-knigi.lib.ru/R/Tshernow.htm>

Подготовленный по его методике убийца-исполнитель зачастую понятия не имел, кого и за что он «казнит». Так, по признанию 22-летнего крестьянина, эсера Григория Фролова, убившего в 1906 году самарского губернатора Ивана Блока, старшие товарищи только дали ему бомбу, отвели на место покушения и указали жертву – едущего в открытой пролетке человека¹.

Экипаж губернатора приостановился на перекрестке, Григорий Фролов подошёл совсем близко, шагов на восемь, и с плеча бросил бомбу. Блок был фактически разорван на куски. Хоронили останки — вместо головы был ватный шар (на фото), одну ногу так и не смогли собрать. Убийца Фролов был быстро схвачен..

О том, что он взорвал губернатора, Фролов узнал только на следствии. И опять же под диктовку старших товарищей этот недоумок писал: «Считаю счастьем, что мне выпало отомстить...»².

¹ Из письма заведующего особым отделом департамента полиции Л.А.Ратаева заведующему заграничной агентурой в Париже П.И.Рачковскому о наблюдении за деятельностью членов боевой организации Партии Социалистов-Революционеров за границей 13/26 июня 1902 г.: «Сам Гершуни непосредственного участия в осуществлении убийств не принимает, деятельность же его заключается в разъездах, приобретении денежных средств для боевой организации и приискании молодых людей, способных пожертвовать собою. Остальные члены организации занимаются, так сказать, топографией, т.е. выслеживанием лиц, изучением местности, образа жизни и привычек намеченных жертв и т.п. подготовительными работами к выполнению задуманного предприятия». <http://doc20vek.ru/node/1093>

² ПСР выносила смертные приговоры губернаторам, которые участвовали в подавлении народных бунтов и восстаний. В эсеровской печати такие теракты преподносились как акты возмездия за пролитую кровь рабочих и крестьян. Крестьянские бунты с погромами и зачастую убийствами помещиков и должностных лиц провоцировали эсеровские агитаторы. В равной степени это относилось и к возбуждению фабричных рабочих на протесты с заведомо невыполнимыми экономическими требованиями. Таким образом революционеры (эсеры и социал-демократы) сталкивали власть с народом по технологии, сходной с Кровавым воскресеньем.

Вокруг Гершуни вились восторженные революционные девицы. Их он тоже пытался приспособить к делу террора. Но, увы, эти революционерки сохраняли управляемость только в пределах прямой видимости кумира. В этом Гершуни убедился, когда пытался организовать убийство обер-прокурора Священного Синода Победоносцева, на что сговорил двух своих обожательниц. Сам Гершуни, опасаясь ареста, не рискнул появляться вблизи Победоносцева. А без магического взгляда своего кумира дамы на теракт не решились.

«Убежденный террорист, умелый, хитрый, с железной волей, Гершуни обладал исключительной способностью овладевать той неопытной, легко увлекающейся молодежью, которая, попадая в революционный круговорот, сталкивалась с ним. Его гипнотизирующий взгляд и вкрадчивая речь покоряли ему собеседников и делали из них его горячих поклонников», – из воспоминаний жандарма А.И. Спиридовича¹.

Отличный от большинства убогих внушаемых исполнителей терактов являл собой психотип эсеровского боевика Ивана Каляева, взорвавшего в Москве великого князя Сергея Александровича, дядю императора Николая II. Как и убийца царя-освободителя Гриневицкий, Каляев числил себя верующим (хотя и вне церкви) и также был одержим идеей «тираноубийства».

Схваченный на месте преступления, Каляев строил свирепые гримасы и безостановочно выкрикивал «Долой проклятого царя», «Долой проклятую власть». Дальнейшие высказывания и действия этого бомбиста (на следствии и на суде) наводят на мысль о том, что его душа ему уже не принадлежала. Он словно был запрограммирован лишь на два действия: убивать и быть убитым.

Историкам до сих пор не ясна мотивация убийства Сергея Александровича. Версия еврейской мести за выселение из первопрестольной нескольких тысяч иудеев лишена фактических оснований. Акция производилась по решению императора Александра III и была направлена против экспансии еврейского капитала. Брат Александра III Сергей Александрович был ещё только назначен губернатором (1891 год) и к указанным событиям прямого отношения не имел.

¹ Спиридович А.И. Записки жандарма. М., 1991.

Есть мнение, что эсеры не могли простить августейшему губернатору его огромной популярности среди московских пролетариев. Рабочий люд Москвы считал великого князя своим защитником, поскольку тот не раз ограничивал алчность владельцев предприятий. Так, в 1902 году московская губернская власть встала на сторону бастующих рабочих металлургического завода Юлия Гужона, протестовавших против 12-часового рабочего дня в горячих цехах и отсутствия охраны труда.

Владелец завода не выполнил пожелание губернатора уладить вопрос миром, а, напротив, уволил бастующих. В результате его самого едва не выселили из белокаменной. Неудивительно, что в фабричных предместьях при августейшем генерал-губернаторе доминировали промонархические настроения¹.

А революционеры, как известно, убивали именно тех правителей, которые перехватывали присвоенную ими монополию на социальную справедливость.

Неслучайно народовольцы маниакально преследовали царя, отменившего крепостное право и давшему русскому народу немало других свобод. То есть, охотились они на тех государственных деятелей, которые стремились к социальному миру и справедливости в России. Этого революционеры допустить не могли.

Великий князь Сергей Александрович в княжеском наряде XVII века. 1903 г. Православные люди единодушно называли его смерть мученической: «Да, он был воистину наш, потому что всегда он был жив духом древней Москвы... Пусть же он останется нашим и по кончине своей: пусть останки его пребудут навсегда в стенах священного Кремля, где Бог судил ему кончить жизнь мученически»².

¹ Впрочем, в мотивацию ревности эсеров к популярности великого князя его убийство тоже не вписывается. На момент покушения Сергей Александрович в соответствии с его прошением на высочайшее имя был отставлен от должности генерал-губернатора, следовательно, утратил властные возможности для политической конкуренции с революционерами за влияние на «электорат». Убийство члена императорской семьи, скорее всего, явилось демонстративным вызовом самодержавию. А для придания ему видимости «справедливого возмездия» леваки и либералы через свою прессу и через слухи оболгали великого князя, обвинив его во всех мыслимых грехах, вплоть до Кровавого воскресенья.

² Незабвенной памяти Его Императорского Высочества великого князя Сергея Александровича. – Летопись Историко-родословного общества в Москве. М., 1905, вып. 1.

Однако мы отошли от темы исполнителей и организаторов индивидуального террора. Если нижний слой «тираноубийц» (Каляевы, Гриневские и др.), как мы отмечали, это классический одноразовый материал, запрограммированный убивать и быть убитым, то командовали ими личности иного порядка.

Но и у них (Гершуни и Савинкова) мы не находим ясных формул о целях «тираноубийства».

Только «сияющие неопределённости» о терроре, как пути к революции и справедливому переустройству мира... Конкретный смысл убийства государственных деятелей не раскрывается, и логика суждений идеологов террора зыбкая. Отсутствует и нравственная оценка.

В подчеркнута документальной книге «Воспоминания террориста» Бориса Савинкова я не обнаружил никаких объяснений его личных мотивов как руководителя террористических групп.

Технологию изготовления бомб, технику конспирации, методику выслеживания жертв и другие подробности действий боевых групп Савинков излагает весьма обстоятельно, с глубоким знанием предмета.

Но конечный смысл этих действий, в результате которых одних разнесет на кровавые ошметья, других удавят в петле, в его книге обойден молчанием. Тут Савинков как бы нарочито упрощает свой мир. В его сознании этот мир состоит из тиранов, которых он призван истребить, и из его помощников, исполнителей его воли.

Борис Викторович Савинков (1879 – 1925) – российский политический деятель, писатель (псевдоним В. Ропшин). В 1903 – сентябре 1917 эсер, один из руководителей «Боевой организации», организатор многих террористических актов. Во Временном правительстве управляющий военным министерством. Руководитель антисоветских заговоров и вооруженных выступлений. Белоземigrant. Арестован в 1924 при переходе советской границы, осуждён. Покончил жизнь самоубийством. Автор «Воспоминаний террориста» (1909), повести «Конь бледный» (1909), романа «То, чего не было» (1912), очерков, стихов..

Рок Савинкова точно очертил своеобразный русский мыслитель Алексей Ремизов: «Организованное истребление тиранов – дело бесконечное – пока творится жизнь, действует человеческая воля: всякая воля несёт в себе тиранство. Савинков мог бы остановиться на провозглашении себя диктатором. И начать какое-то созидание. И тут непременно произошёл бы срыв, как в рулетке и на скачках, – не такие выи-

грывают, не такие и созидают. У Савинкова не было никакой подготовки и никаких познаний, нужных для «правителя государства». Вся жизнь ушла на организацию истреблений.

Очутившись у власти, он ничего не выдумал бы, ничего не изобрёл: истребительный зуд истощил все его силы. Диктаторство Савинкова было бы самой безрассудной тиранией, какую можно только представить.

Но этого не совершилось. Развязка наступила тогда, когда это стало необходимым – дело его жизни кончилось. Оставалось истребить последнего тирана, а таким он был сам. И его восклицание в суде: «как это могло случиться, что он попал в обвиняемые?» – это вопль человека, приговорившего себя к истреблению. Суд над Савинковым был его судом над собой»¹.

Ремизов со снисходительной усмешкой рисует «титанов» нашей революции: «Жили-были на Вологде (Ремизов здесь имеет ввиду, что перечисленные персонажи до революции побывали в ссылке в г.Вологде – примеч. А.Г.) три титана: Бердяев из Киева, Луначарский из Киева и Савинков из Варшавы...

Луначарский трудился над пьесой «Королевский брадобрей» и готовился, под глазом Ильича, насаждать просвещение в России...

Савинков печатал корреспонденции из России в заграничной «Искре» – марксистского толка, и рецензии в «Русском богатстве», и готовился бомбами расчищать путь Революции и прокладывать дорогу, – он был убеждён, что для себя, – для Владимира Ильича Ленина» («Иверень». С.194, 197-199).

Следуя своему року, Савинков из уютной эмиграции позволил чекистам выманить себя в СССР, якобы для ознакомления и сотрудничества с антисоветским подпольем. Подполье оказалось бутафорией (правда, очень высокого класса), а Савинков вместе с ближайшим помощником, полковником Сержем Павловским оказались во внутренней тюрьме ОГПУ.

Как случилось, что виртуозный конспиратор, неуловимый для царских жандармов, клюнул на приманку своих смертельных противников?

Дело в том, что провокация – родная сестра революции. Они не живут друг без друга. Революционеры свыкаются с этими сёстрами и перестают их различать. Неслучайно и Гершуни, и Савинков безоглядно верили полицейскому провокатору Евно Азефу и, несмотря на неопро-

¹ Ремизов А.М. «Иверень. Загогулины моей памяти». Berkley, 1986 г.

вержимые факты предательства, слепо считали его непогрешимым.

То есть, крупный промах Савинкова с его поездкой в СССР был не первой его ошибкой.

Пойманного Савинкова содержали не без роскоши: в комфортабельно обставленной двухкомнатной камере вместе с приехавшей с ним из Франции любовницей Любовью Дикгоф-Деренталь.

Чекисты точно сыграли на его струнах, поскольку на судебном процессе бывший герой революции, бывший замминистра Временного правительства и враг большевизма признал советскую власть и попросил прощения у русского народа. Это был тяжёлый удар по всей белой эмиграции.

Савинков явно рассчитывал на сотрудничество с Советами, но переоценил при этом значимость собственной персоны. Публичным самооблачением и раскаянием он оборвал последние связи как с западными политиками, так и с лидерами эмиграции. И, соответственно, не годился для новых комбинаций политической разведки.

Глава ОГПУ Менжинский недвусмысленно озвучил это в своём комментарии судебного процесса над Савинковым газете «Известия»: «Показание даёт политический труп».

Роковой террорист более никому не был нужен в этом мире, в том числе, и самому себе.

По официальной версии, он покончил с собой, выбросившись из окна пятого этажа здания ОГПУ на каменные плиты двора.

По неофициальной – из окна его выбросили.

В противовес эсерам и анархистам Ленин считал, что их теракты отдают театральщиной и не служат делу свержения самодержавия. Эффектные акции бомбистов, безусловно, будоражили общество, но отнюдь не подвигали его к революции. Даже наоборот. Самая консервативная (она же самая многочисленная) часть народонаселения предпочитала смуте с кровавыми беспорядками спокойствие и заведённый порядок с фигурой городского на углу.

Ленин это учёл и, готовясь к революции 1905 года, сделал ставку на создание целой армии боевиков-террористов, способной крушить государственную машину в целом, а не ограничиваться убийством отдельных носителей власти.

В октябре 1905-го года он двумя специальными циркулярами¹ про-

¹ Письмо В.И. Ленина «Боевой комитет при Санкт-Петербургском комитете» (РСДРП – А. Г.) и «Задачи отрядов революционной армии». ПСС в 55 томах, 11 том. Впервые опубликовано в «Ленинском сборнике» 1926 г.

инструктировал питерских функционеров РСДРП. В частности, потребовал от них привлечь в боевые группы всех желающих, независимо от их принадлежности к партии социал-демократов. Вооружить их чем придется: револьверами, бомбами, ножами, кастетами и тряпками, пропитанными керосином (для поджогов).

Задачи для боевиков вождь обозначил следующие: избиения и убийства шпиков, полицейских, жандармов, взрывы полицейских участков, взрывы и поджоги домов черносотенцев, нападения на банки с целью изъятия средств для революции. Вот так: дешево и сердито. И непременно массово. То есть, вождь распорядился вовлечь в террор, кроме идейных сторонников большевизма (их тогда было крайне мало), люмпенов и уголовников.

Исполнительская дисциплина у большевиков была самой высокой среди революционных партий. И требуемую вождём массовость террора товарищи с мест послушно обеспечили.

Само собой, бандиты и люмпены привнесли в события побочный эффект: ортодоксальные коммунисты докладывали Ленину, что изрядная часть боевиков заделалась профессиональными экспроприаторами, а попросту – грабителями. И Ленин не без досады разъяснял младшим товарищам по партии, что это – проблема завтрашнего дня.

То есть, Ленин мобилизовал в революционеры всю человеческую сволочь – от паханов до мелких гопников, чтобы использовать их сегодня, а завтра утилизировать. Этот человеческий материал и стал ленинским наследием «государству рабочих и крестьян».

Выпуская на улицы армию убийц и грабителей, отменяя нравственный закон, бесы революции толкали страну к хаосу. Кто-то из великих физиков (кажется, Стивен Хокинг¹) так объяснял суть энтропии: пока кофейная чашка цела, она являет собой организованную материю. Грохнув ее об пол, вы получите беспорядочную массу осколков. Таким образом, увеличение энтропии есть нарастание хаоса.

Даже ехидный Козьма Прутков², созерцая звёздный небосвод, умилялся: «Какой достойный удивления является там порядок!» Но слуги

хаоса до конца времён будут бороться с божественной гармонией. При этом старшие бесы, как правило, будут жертвовать младшими.

¹ Стивен Хокинг (1942–2018) – английский физик-теоретик, космолог, писатель, директор по научной работе Центра теоретической космологии Кембриджского университета.

² Козьма Прутков – коллективный псевдоним поэта Алексея Толстого, братьев Алексея, Владимира и Александра Жемчужниковых. Тексты приписываются вымышленному автору, которого они наделили собственной биографией, собственными личными качествами и литературными предпочтениями. Литературная маска, под которой в журналах «Современник», «Искра» авторы высмеивали умственный застой, политическую «благонамеренность», пародировали литературное эпигонство в 50-60-е годы XIX века.

ГЛАВА 5. РЕВОЛЮЦИЯ БЕЗ РОМАНТИКИ 2. ПОЧЕМУ ЭСЕРЫ УДАВИЛИ СВОЕГО ГАПОНА

После Кровавого воскресенья Гапон, опасаясь ареста, скидывает рясю и бежит в Европу. Русская политическая эмиграция¹ сначала с распростёртыми объятиями встретила «героя 9 января». И эсеры, и социал-демократы наперебой приглашают его в свои партии. Отчего у тщеславного провокатора совершенно снесло крышу. Отныне он позиционирует себя неким лидером русской революции – без определённой партийной принадлежности, но с широкими полномочиями.

В частности, самочинно встречается в проект транспортировки в Россию оружия, купленного на японские деньги.

В числе прочего Гапон знакомится с Лениным, и тот публикует в своей газете «Вперёд» так называемое боевое соглашение о сотрудничестве эсеров с социал-демократами, хотя ЦК РСР ему этого не поручал.

В 1904 году «Искра» перешла под контроль меньшевистского крыла РСДРП, отказавшись от сотрудничества с большевиками и Японией. Отстраненный от руководства печатного органа Ленин был вынужден срочно создавать свою, большевистскую, газету. 6 января в Женеве вышел первый номер газеты «Вперед», но уже в мае этот проект закрылся из-за недостаточного финансирования.

Эсеров все болеестораживает неуправляемая активность Гапона, и они решительно отжимают его от дел. На женевской объединительной конференции революционных партий Гапон присутствует лишь с правом совещательного голоса.

Гапон унижен, его кипучей натуре грозит меланхолия. Он не понимает, что самый лучший выход для него – бесследно исчезнуть со сцены. Эмиграция не признала престязаний Гапона на лидерство, и его неудержимо тянет назад в Россию. Он снова видит себя пастырем и вождем масс: отрачивает бороду и в конце 1905 года возвращается в самое опасное для него место – Санкт-Петербург. Не знаю, каждого ли преступника влечёт к месту преступления, но Гапон этой тяге последовал.

Прожил он там недолго. Старый товарищ эсеровский функционер Петр Рутенберг заманил его на дачу под Петербургом, где Гапона задушили шнурком и подвесили на крюк для одежды.

¹ Русская политическая эмиграция в своей истории до 1917 года условно делится на два этапа:
1. Народнический, ведущий своё начало от эмиграции в 1847 году А. И. Герцена. Характерно отсутствие политических партий с чётко выраженной структурой и немногочисленность политических эмигрантов.
2. Начало второго или «пролетарского» этапа образования российской политической эмиграции до 1917 года связано с созданием в 1883 году в Женеве группы «Освобождение труда». У её истоков стояли бывшие лидеры народнического движения: Г. В. Плеханов, участник организации «Земля и воля» и лидер «Чёрного передела», П. Б. Аксельрод, соратник Плеханова по «Чёрному переделу», бывший главный редактор бакунинской газеты «Община», землевладелец В. Н. Игнатов и др. Группа положила начало марксистского направления в истории политической эмиграции. За рубежом участники группы «Освобождение труда» издавали «Библиотеку современного социализма» и «Рабочую библиотеку». Деятельностью группы «Освобождение труда» было подготовлено и образование в 1898 году и окончательное оформление в 1903 году РСДРП, которая создала наибольшую, по сравнению с другими эмигрантскими партиями и объединениями, инфраструктуру партийных организаций и групп за рубежом. В частности, заграничные группы РСДРП работали в Женеве, Берне, Париже, Берлине, Мюнхене, Карлсруэ, Фрейбурге, Бостоне, Будапеште, Львове, Лейпциге, Мангейме, Брюсселе, Ницце, Сан-Ремо, Гамбурге, Лозанне, Бремене, Льеже, Ганновере, Антверпене, Давосе, Копенгагене, Тулузе, Чикаго, Нью-Йорке и во многих других городах Европы и Америки. Наиболее известные печатные органы РСДРП – газеты «Искра», «Заря», «Вперёд», «Пролетарий», «Правда», «Социал-демократ» и др. В 1908 году центр русской политической эмиграции переместился из Женевы в Париж. В Нью-Йорке в 1890-х годах активно действовало Русское социал-демократическое общество, в Чикаго группа русских социал-демократов. Русские социал-демократы были связаны с группой «Освобождение труда», а впоследствии с редакцией «Искры». Число российских политических эмигрантов в Америке значительно выросло после поражения революции 1905-1907 годов. Источник: Окоороков А.В. История великих российских переселений. <http://www.cisdf.org/TRM/Ionzev/book-1.2.1.html>

Железнодорожная станция Озерки в начале XX века. Здесь был убит Гапон.

Позднее организатор убийства Рутенберг, будучи в эмиграции, публикует свои воспоминания в парижской газете «Матэн», где сообщает, что по решению партийного суда Гапона казнили якобы как полицейского провокатора.

Пётр Моисеевич Рутенберг. 9 января 1905 года по заданию партии эсеров принял участие в организованного священником Георгием Гапоном шествии рабочих к Зимнему дворцу. До конца 1905 года Гапон и Рутенберг вместе скрываются за границей. Рутенберг благодаря Гапону становится заметной фигурой в партии эсеров. Он же по возвращении Гапона из эмиграции организует его убийство.

Однако люди, информированные в подобных вопросах, сочли версию Рутенберга неубедительной. Во-первых, выдача Гапоном своих соратников ничем не подтверждена. Во-вторых, ещё на этапе внедрения Гапона в Собрание русских фабричных рабочих Санкт-Петербурга эсерам было ясно, что данная организация контролируется департаментом полиции.

От эсеров Гапона вёл Рутенберг, от охранки – сначала начальник особого отдела департамента полиции Сергей Зубатов, затем вице-директор департамента полиции Петр Рачковский. О чём Гапон докладывал Рутенбергу, а тот – руководству ПСР. Таким образом Гапон контактировал с чинами полиции как агент партии эсеров. В таковом же качестве Гапон работал и с правительственными чиновниками. То есть провокатором Гапон, несомненно, был. Только не полицейским, а эсеровским.

Сергей Васильевич Зубатов – глава особого отдела Департамента полиции (с 1902 по 1903 год). Создал систему подконтрольных правительству легальных рабочих организаций (отстаивание экономических интересов, просвещение), основной идеей которых являлось отвлечение рабочих от политической борьбы сначала в Москве, потом в Петербурге (2). К 1902 году социал-демократы осознали опасность, исходящую от зубатовского движения. Был распушен слух, что зубатовские общества суть не что иное, как полицейская «ловушка», предназначенная для вылавливания лиц, недовольных существующим строем. В своих газетах социал-демократы предупреждали, что всякий профессор, который согласится читать им лекции, будет пригвождён к позорному столбу. Для чтения лекций рабочим были приглашены протоиерей Философ Орнатский и священник Георгий Гапон. Первое время Гапон только посещал рабочие собрания и изучал литературу, которой снабжал его Зубатов. Однако вскоре он выдвинулся на первое место и приобрёл на рабочих большое влияние. В августе 1903 года, после отставки Зубатова, Гапон взял всё дело в свои руки, составил для общества новый устав и повёл рабочих по иному пути.

Петр Иванович Рачковский – полицейский администратор. Действительный статский советник, глава заграничной агентуры Департамента полиции в Париже. В начале 1905 года Рачковский вернулся на службу в аппарат Департамента полиции, а летом того же года назначен вице-директором по политической части. В 1906 году после убийства Гапона эсерами вышел в отставку и более не возвращался к политической деятельности полиции.

Причем уровень контактов Гапона был весьма высок – вплоть до председателя правительства Сергея Витте.

И все эти чины после 9 января оказались в положении гоголевского городничего.

Граф Сергей Юльевич Витте. В конце 1904 года пребывал на должности председателя Комитета министров. Витте поддерживал идею создания монархических рабочих организаций и, в частности, гапоновского собрания русских фабрично-заводских рабочих. По его инициативе был составлен Манифест 17 октября, даровавший основные гражданские свободы и введший институт народного представительства – Государственную думу.

Узнав, что Хлестаков никакое не превосходительство и не столичный ревизор, а ничтожный самозванец, городничий горестно воскликнул:

– Ну что в этом вертопрахе было похожего на ревизора? Ничего не было...

Точно также премьер, полицейские начальники и прочие столпы государства после кровавой трагедии имели основания спросить себя: ну что в этом мутном попе было от спасителя престола?

Фокус состоял в том, что Хлестаков-Гапон на деньги правительства развернул антиправительственную агитацию, стачечное движение, столкнул многотысячную толпу с правительственными войсками.

После Кровавого воскресенья смерти Гапона могли желать сразу несколько могущественных людей и целых организаций.

Во-первых, это департамент полиции. Разыгранная эсерами комбинация серьёзно скомпрометировала силовое ведомство в глазах верховной власти, во-вторых, это государственные сановники высоких рангов, начиная с графа Витте, которые выступили в роли повивальных бабок и нянек гапоновского Собрания русских фабричных рабочих. Их Гапон тоже подставил перед царём.

Иван Александрович Фуллон – с 12 февраля 1904 по 11 января 1905 – Санкт-петербургский градоначальник; генерал-адъютант. Оказывал всестороннюю поддержку «Собранию русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга».

Столичный градоначальник Иван Фуллон первым ушёл в отставку. Премьер Сергей Витте дожидался своей очереди на вылет.

У носителей власти имелись все основания сгноить Гапона в тюрьме, но о суде им даже помыслить было страшно. Показания этого провокатора сделали бы их посмешищем всей России. С их точки зрения, Гапона следовало убрать без всякого шума.

Ну и, наконец, в устранении Гапона были заинтересованы и в руководстве эсеровской партии, поскольку он долго ошивался на революционной кухне и узнал там много лишнего. В частности, подробности провокации «Кровавое воскресенье», которые следовало сохранять в тайне. Между тем Гапон отказался оформить своё членство в ПСР и не стеснял себя партийной дисциплиной.

Наибольшую опасность для Гапона представлял Евно Азеф, член ЦК ПСР, глава её боевой организации и по совместительству агент охранного отделения.

У Азефа имелись веские личные мотивы для ликвидации Гапона, поскольку тот напрямую общался с полицейскими боссами. То есть Гапон вторгся на поляну Азефа и мог слить полиции смертельно опасную для него, Азефа, информацию. В охранном отделении даже мысли не допускали, что их ценнейший осведомитель самолично организует убийства важных сановников империи. За это Азефу полагалась виселица. А Гапон при его пронырливости мог бы такую информацию среди эсеров заполучить. Двум провокаторам стало тесно в этой жизни.

При таких врагах у Гапона оставалось немного шансов зажитья на белом свете. Но он уже окончательно утратил чувство реальности и замельтешил вокруг своих вчерашних покровителей во власти, досаждая им требованиями возродить распущенное Собрание русских фабрично-заводских рабочих. Между тем, власть в лице нового министра внутренних дел Петра Дурново признало попытку заигрывать с пролетариатом провальную, а само Собрание – опасной организацией.

Одновременно Гапон назойливо напоминал о себе боссам политического сыска и тут же (если верить свидетельству Рутенберга) убеждал эсеров ликвидировать вице-директора департамента полиции Петра Рачковского. Достоверность данных Рутенберга косвенно подтверждена знакомыми Гапона, которым он признавался: кого боюсь, так это охранного отделения.

Мало того, Гапон стал озвучивать в своем окружении угрозы обнародовать некий компромат на «некоторых больших людей».

Как видим, безумец всеми способами приглашал свою смерть.

Инициатором ликвидации Гапона исследователи обоснованно считают Евно Азефа¹. Притом данная акция главного эсеровского боевика явно пришлась по вкусу российской власти, в первую очередь департаменту полиции.

Ничем иным кроме удовлетворения властей от ухода из жизни «чёртова попа» невозможно объяснить тот факт, что полицейское расследование убийства Гапона, несмотря на его резонансный характер и очевидную несложность, велось так вяло и безрезультатно, будто некто весьма влиятельный спускал дело на тормозах. Ни заказчики, ни исполнители установлены не были. Организатору расправы Петру Рутенбергу позволили беспрепятственно покинуть Россию, хотя у следствия имелось подробное описание его внешности (он самолично арендовал для убийства дачу в Озерках, и его словесный портрет обрисовал дворник). Да, кроме того,

его личность была известна полиции, поскольку он «светился» рядом с Гапоном задолго до событий 9 января.

Полиция, явившаяся на дачу в Озерках по вызову её хозяйки, обнаружила мертвого Гапона повешенным на крюк для одежды. По воспоминаниям Рутенберга, убийство свершилось 28 марта 1906 года.

¹ Рутенберг П.М. Убийство Гапона. http://www.hrono.ru/libris/lib_r/rutgap07.php

30 апреля в 5 часов дня в Озерках, на даче г-жи Звержинской, было обнаружено тело убитого Гапона. В 1909 году строение разобрали – никто не хотел в нем жить.

Георгий Гапон был похоронен 3 мая 1906 года на Успенском кладбище (Северном) под Петербургом при большом стечении народа. Похороны были совершены на средства рабочих организаций. Спустя 5-6 лет могила пришла в запустение, а потом и вовсе затерялась.

На надгробье Гапона его восторженные поклонники написали «Герою 9 января».

ГЛАВА 6. РЕВОЛЮЦИЯ БЕЗ РОМАНТИКИ 3. ПРОВОКАЦИЯ ВЕТЕРИНАРА БАУМАНА

Пуля, выпущенная из винтовки конструкции Мосина в толпу, с расстояния сто метров «нанизывает» до семи человек.

Из практики применения огнестрельного оружия

«Ленинская гвардия» болезненно переживала успех конкурирующей партии социалистов-революционеров. Общественная волна, поднятая событиями 9 января 1905 года, сделала эсеров самой популярной политической партией России.

И осенью того же 1905 года большевики в борьбе за рейтинг попытались повторить массовое кровопускание. В роли ленинского Гапона выступил Николай Эрнестович Бауман, по образованию ветеринар, по призванию провокатор.

Этот выходец из семьи немецких колонистов Поволжья показал себя энергичным агентом «Искры»¹, умел вращаться в обществе, но по части подпольной работы был бездарен.

«Искра» – революционная нелегальная газета, основанная Лениным. Первый номер вышел в Германии к 11 декабря 1900 года. Периодичность: ежемесячно, а с 1902 — каждые две недели. Тираж – 8 тысяч экземпляров. Эпиграфом газеты стали строки из ответа декабристов Александру Пушкину: «Из искры возгорится пламя».

В апреле 1902 года германское правительство запретило издавать газету на своей территории, поэтому редакция переехала в Лондон, а в 1903 году в Женеву. 1 ноября 1903 года Ленин вышел из редакции «Искры», газета перешла в руки Плеханова и его соратников. Издание газеты прекратилось в октябре 1905 года на 112-м номере.

¹Агенты «Искры» – это особо доверенные лица Ленина, его спецназ, готовый рисковать свободой и жизнью для победы революции. Начиная с 1901 года, эти люди доставляли в Россию газету «Искра» и другие пропагандистские издания, а главное, сколачивали разрозненные партийные организации и марксистские кружки в единую всероссийскую структуру. Меньшевики презрительно именовали их «ленинскими баранами», но эти «бараны» могли пробивать стены. Во многом благодаря агентам «Искры» Ленин создал партию, которая, в отличие от интеллигентских клубов вроде кадетов и меньшевиков, обладала железной внутренней дисциплиной и была способна захватить и удержать власть.

Все его предприятия, будь то переброска из Европы большевистских агиток или организация подпольной типографии в Москве неизменно накрывались полицией, а сам он оказывался в тюрьме либо в ссылке.

Однако Российская империя, на свою беду, весьма безалаберно охраняла места лишения свободы. В результате самые опасные враги государства смывались оттуда, пересекали с фальшивыми паспортами границы и продолжали дело революции из Женевы, Лондона и Парижа.

Не меньше прорех для освобождения революционеров создавала и либерально-демократическая судебная система. Так самого Баумана, сидевшего осенью 1905 года в Таганской тюрьме под следствием о подпольной типографии, без особых заморочек освободили на поруки.

Московская губернская уголовная тюрьма – Таганская тюрьма или просто «Таганка» (совсем недалеко находится площадь Таганская) была сооружена в 1804 году, закрыта и пошла на слом в 1958 году. Сегодня на ее месте расположен детский сад.

По мягкости российских законов партия изловчалась вытаскивать с нар всех нужных ей товарищей.

За мелких смутьянов-агитаторов, пойманных с пачкой прокламаций, руководство партии, конечно, не хлопотало, не тратилось ради них на шикарных адвокатов. Рядовым большевикам полагалось страдать в острогах от звонка до звонка.

Но Бауман, как было уже сказано, был агентом «Искры» и членом ЦК РСДРП (по советско-партийной иерархии – высшей номенклатурой). Поэтому на его освобождение были брошены ресурсы: поручителей за благонадежность этого ветеринара подбирал сам Максим Горький.

Едва оказавшись на воле, «искровец» Бауман тут же замутил авантюру, даже по тому времени безумную: возбудил зажигательными речами толпы московских студентов, гимназистов и прочей легковой публики на коллективное самоубийство – штурм «русской Бастилии» или, попросту, губернской тюрьмы.

Трудно найти рациональное объяснение, почему эта толпа поддавалась на заклинания Баумана и послушно двинулась на бессмысленную смерть.

Ведь днем раньше Россия превратилась в конституционное государство¹. Газеты анонсировали амнистию политзаключенных. Зачем, спрашивается, брать приступом тюрьмы, если власть сама выпускала из них «борцов за свободу»?

Массовый гипноз? Слишком фантастично. По описаниям современников, Бауман был фигурой харизматичной, но ведь не настолько, чтобы отключить разум и волю тысяч людей и, как сказочный крысолов, увлечь колдовской дудочкой и утопить в реке всех детей города.

Зловещий крысолов из сказки братьев Гримм – персонаж идейно созвучный Гапону и Бауману. Только в реальности эти провокаторы соблазняли своих жертв правдоподобным обманом. Так, Гапон лгал рабочим, что их ожидает Помазанник Божий, а эсеровские боевики, внедрившиеся в ряды шествия, обнадёживали идущих, что солдаты столичного гарнизона душой и телом на стороне народа и, конечно, не станут стрелять.

И уж точно мальчишки-гимназисты, которых Бауман гнал на убой, не являлись стихийными самоубийцами, а шли к тюрьме только потому, что подручные ветеринара распространили среди «освободителей» слух о том, что прогрессивные тюремщики готовы распахнуть перед ними ворота и вручить ключи от камер.

Рядовые участники понятия не имели, что при попытке ворваться в тюрьму их встретит огонь батальона внутренней стражи (специальные подразделения для охраны мест заключения и конвоирования арестантов).

При этом боевики Баумана – точно также, как это делалось в Кровавое воскресенье – для затравки постреляют в охрану, чем спровоцируют её ответный огонь по толпе.

Однако, далеко не все, кого Бауман заманивал на бойню, оказались легковерными простачками. Как ни крути, доводы в пользу штурма были слабые. Поэтому на пути к «Бастилии» колонна освободителей (сам Бауман ехал впереди на извозчике под красным знаменем) стала редеть и рассасываться.

¹ 17 октября 1905 года вышел царский манифест, который учреждал парламент, без одобрения которого не мог вступать в силу ни один закон. Манифест провозглашал и предоставлял политические права и свободы, такие как: свобода совести, свобода слова, свобода собраний, свобода союзов и неприкосновенность личности. Как следствие, императором были внесены изменения в Основные государственные законы Российской империи, которые фактически стали первой российской Конституцией.

Но Бауман верил в себя и, по воспоминаниям участницы шествия Розалии Залкинд, пообещал, что не пройдет и пяти минут, как он вернется с пополнением. «Заворачивай!» – скомандовал он извозчику и махнул рукой в переулок, ведущий к ткацкой фабрике Щапова.

Розалия Залкинд (псевдоним Землячка) также являлась агентом «Искры» и входила в близкое окружение Ленина. В конце гражданской войны стала известна как палач белых офицеров, сдавшихся в плен в Крыму под гарантию сохранения им жизни, которую дал командующий Южным фронтом РККА Михаил Фрунзе. Несколько тысяч офицеров, а также служащих врангелевской администрации и других «контрреволюционеров» из гражданского населения по приказу Розалии Залкинд расстреляли и утопили в море.

У фабричной проходной группы людей пролетарской наружности играла в бабки. На беду Баумана эти рабочие оказались верноподданными монархистами, чуждыми революционных настроений. А у Баумана на знамени красовался девиз «Долой самодержавие».

Агент «Искры», не разобравшись, с кем имеет дело, по запарке толкнул речь, клеймящую Николая Второго, чем привел собравшихся в ярость.

Неформальный лидер этой группы монархистов Николай Михалин вскочил на подножку пролётки и потянул крамольное знамя к себе: «Отдай!». Тогда Бауман, удерживая одной рукой знамя, другой выхватил револьвер и выстрелил в Михалина. Неясно, пальнул ли Бауман в сторону Михалина для испуга или тот увернулся от пули. Из показаний свидетелей ясно только то, что Михалин тростью выбил из руки Баумана оружие и той же тростью ударил его по голове. Удар пришелся вскользь.

Бауман выскочил из пролетки и побежал к своим соратникам. Михалин настиг бегущего и одним или двумя ударами проломил ему голову.

Из материалов следствия известно, что Михалин исполнял на фабрике Щапова должность смотрителя мужских спален (по советскому штатному расписанию – коменданта мужского общежития). До поступления на работу он пять лет отслужил в императорской конной гвардии.

Трость Михалина фигурировала на следствии в качестве вещдока. Изготовленная из толстостенной (газовой) стальной трубки, она имела двойное назначение: выглядела как элегантный «господский» аксессуар, но при опасности годилась для самообороны, что в фабричных предместьях было актуально. Раздеть и ограбить там могли запросто.

При анализе скоротечной схватки Баумана с Михалиным надо учесть, что за годы боевой учёбы в кавалерии навыки фехтовать и рубить бегущего противника Михалину вбили в уровень рефлексов – без раздумий. Револьвер Баумана, грохнувший ему в лицо, эти рефлексы растормозил. «Рука будто сама била», – показывал Михалин в суде.

Зато Бауман, в отличие от Михалина, бойцовских навыков не имел. Тяжесть нагана за пазухой и близость вооруженных боевиков внушили ему иллюзию собственной безопасности.

Но револьвера, как мы знаем, Михалин не испугался, а, напротив, бодро обезоружил противника. И когда боевики примчались на звук выстрела, всё было кончено: зритель спален стоял над поверженным революционером, пытаясь нащупать несуществующий пульс.

Боевики открыли по нему пальбу, но он скрылся на территории фабрики. Когда боевики унесли тело своего вожака, и толпа разбрелась, Михалин пошел сдаваться в полицию.

В суде он оправдывал свои действия самообороной, но обвинение квалифицировало их как «убийство по горячности» или, на современном юридическом языке, как превышение пределов необходимой обороны, поскольку в момент своей гибели Бауман уже был безоружен и убегал с места происшествия.

Данные о судьбе Михалина после его отсидки противоречивы. Валерий Ярхо, автор книг по истории российского сыска, писал, что после революции он был арестован и безвестно сгинул в ЧК¹.

Другой источник сообщал, что Михалина после тюремного срока застрелили большевистские боевики².

Однако главное дело своей жизни монархист Михалин сделал, когда 18 октября 1905 года помешал большевикам исполнить на «бис» провокацию Кровавого воскресенья, и тем спас от расстрела десятки, если не сотни, доверившихся Бауману молодых людей. Штурм «русской Бастилии» не состоялся.

¹ Ярхо В. «Грача» убили сгоряча». Газета «Совершенно секретно» (№10, 2005). <https://www.sovsekretno.ru/articles/id/1435/>

² Деникин А. Правда об убийстве Баумана. «Аналитическая газета «Секретные исследования», №2, 2009. <http://www.secret-r.net/arkhiv-publikatsij/9-2009/pravda-ob-ubijstve-baumana>

Впрочем, из похорон своего Гапона №2 большевики выжали максимальный пропагандистский эффект. Овдовевшую гражданскую жену Баумана, некую Медведеву, на извозчике перевозили с одного митинга на другой, где та раз за разом озвучивала легенду: убийство якобы по заказу властей исполнил платный агент охраны... Никаких доказательств к этой легенде не прилагалось, но она, видимо, имела успех у публики, если хоронить «жертву кровавого царизма» вышли тысячи москвичей.

Похороны Н.Э. Баумана в Москве в октябре 1905 года вылились в антиправительственную демонстрацию.

Ленин тут показал мастер-класс политического пиара, превратив труп своего неудавшегося Гапона-Баумана в популярное агит-чучело.

При жизни ковбой-неудачник Бауман ничего путного для большевиков сделать не сумел. Плохо жил, умер и того хуже – при попытке спровоцировать массовое убийство.

В Большой Советской энциклопедии статья «Бауман» состоит из общих хвалебных фраз, поскольку конкретных заслуг за покойным не числилось. А его удачливого конкурента Гапона в той же энциклопедии смешали с грязью, да еще и наврали, будто казнили Гапона по приговору мифического «суда рабочих». Хотя по документам и свидетельству того же Рутенберга, никаких судей при этом не было. Только палачи. Причём, по заключению полицейских медэкспертов, Гапону перед смертью сло-

мали нос и долго, страшно избивали: все тело было покрыто кровоподтеками.

Если беспристрастно сравнивать вклады Гапона и Баумана в дело революции, то в СССР на табличках с названиями улиц должна была красоваться фамилия Гапона. Но Гапон не был большевиком и работал на конкурирующую партию социалистов-революционеров. Мало того, являлся служителем культа и посему не соответствовал образу революционера.

В возвеличивании провокатора Баумана не обошлось без курьезов. Многие и сейчас в неведении, почему один из лучших и старейших инженерных вузов России носит имя ветеринара. А причина в том, что в октябре 1905 года Бауман агитировал молодежь штурмовать «русскую Бастилию» именно в здании Императорского Московского Технического Училища. Оттуда колонна и тронулась на Таганку. Поэтому коммунистические переименователи всего и вся закрепили за высшим техническим училищем имя ветеринара Баумана.

Училище было открыто в 1832 году как Ремесленное учебное заведение, через 36 лет оно было преобразовано в Императорское Московское техническое училище по типу высших специальных учебных заведений. 6 марта 1917 года Училище потеряло определение Императорского. В 1930-м его разделили на пять самостоятельных высших технических учебных заведений.

Оставшееся в прежнем здании МВТУ механико-машиностроительное училище (бывший механический факультет) вскоре переименовали в Московский механико-машиностроительный институт (МММИ) и присвоили ему имя революционера-большевика Н. Э. Баумана. Почти память человека, который 25 лет назад готов был пользоваться здесь как расходным материалом.

ГЛАВА 6. РЕВОЛЮЦИЯ БЕЗ РОМАНТИКИ 4. ЗА ЧТО ЛЕНИН С ТРОЦКИМ ЛЮБИЛИ АНГЛИЧАНКУ «ЛЕНОЧКУ»

В 1912 году зарегистрированная в Лондоне золотодобывающая компания «Лена Голдфидс» (в приисковом обиходе «Леночка») бесчеловечными условиями труда и быта толкает рабочих Ленских приисков на стачку.

Восемь тысяч человек останавливают добычу и промывку золота¹ и выдвигают следующие экономические требования: 8-часовой рабочий день, обеспечение охраны труда (из каждой тысячи рабочих ежегодно около семисот получали травмы разной степени тяжести), прекращение выдачи части заработка продуктовыми талонами, которые отоваривались только в магазинах «Леночки». Притом ассортимент мясных продуктов состоял зачастую из осклизлых отбросов мясопереработки – от копыт до половых органов животных – и продавался по завышенным ценам.

Условия вечной мерзлоты: землю разогревают кострами, талую воду откачивают. Механизация минимальна. После смены рабочие в сырой от воды одежде бредут несколько километров до барачков. По заявлениям рабочих прииска Утёсистый, шахты и лестницы освещались плохо, потому что управляющий отказывался выдать нужное количество свечей. В связи с этим – падения, травмы. Остро не хватало врачей и мест в больнице. На одного врача приходилось 2500 рабочих, не считая членов их семей.

¹ Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902-1924 годы: «1 апреля получено известие о забастовке на приисках Ленского т[оварищес]тва. 8 т[ыс]. рабочих обратились в совет иркутских присяжных за юридической помощью». <http://irkipedia.ru/sites/default/files/pdf/automat/letopis2b.pdf>

Судя по этим требованиям и по описаниям скотских условий проживания золотодобытчиков, воздействия на приисковый рабочий класс сверху, со стороны работодателя «Леночки», и снизу, со стороны большевистских агитаторов, хорошо координировались. Хозяева приисков будто специально унижали и злили работяг, а революционеры распяляли их на абсолютно нереальные требования.

В первую очередь, необоснованным и невыполнимым было установление 8-часового рабочего дня.

Столь короткой рабочей смены тогда не было даже в наиболее промышленно развитых странах мира. А на приисках механизация была минимальная, преобладал ручной труд. И основным инструментом рыхления золотоносной породы было кайло. К слову, даже в советское время золотодобытчики в старательских артелях пахали по 12 часов в сутки без выходных. Усердие мотивировалось высокими зарплатами.

На Ленских приисках начала XX века заработки тоже были немалые – в разы выше, чем у квалифицированных индустриальных рабочих Центральной России, занимавших, кстати, по уровню оплаты второе место (после США) в мире.

К тому же в свободное от основной работы время рабочим приисков разрешалось мыть золотишко как вольным старателям – на себя. То есть, за 3-4 года добровольной каторги на Ленских приисках человек мог сколотить капиталец и открыть собственное дело.

При таком раскладе требование 8-часового рабочего дня взбесило губернскую власть. Бастующих объявили зарвавшимися смутьянами, а упомянутые выше справедливые законные претензии о скотских условиях быта, принудительном снабжении пищевыми отбросами и пр. власти вообще не рассматривали. Они, как и январе 1905 года, повелись на ту же провокацию революционеров. Вместо анализа ситуации и активного переговорного процесса просто послали на Лену карателей.

Самодержавие в лице жандармского ротмистра Трещенкова, прибывшего в столицу Ленских приисков Бодайбо с ротой солдат, сперва арестовывает стачечный комитет, а затем тупо расстреливает демонстрацию протестующих рабочих.

Жертвы Ленского расстрела. Позднее министр внутренних дел А.А. Макаров так объяснял действия военных: «Если на маленькую воинскую часть, которой поставлена задача охранять порядок, наступает громадная толпа в несколько тысяч человек, то она находится в таком положении, что может быть этой толпой сметена, и ей придется стрелять» (2). По данным левой прессы, демонстрация была мирной, и, безусловно, вся вина лежит на Трещенкове. Но есть и другие сведения. Оружейные залпы были вынужденной мерой самообороны. Один из документов Государственного архива РФ гласит: «Когда толпа рассеялась, на земле осталось много кирпичей, кольев, палок»¹.

Могилы погибших в Ленском расстреле.

¹ http://irkipedia.ru/content/treshchenkov_nikolay_viktorovich

Таким образом, компания «Лена Голдфилдс» вполне успешно повторила провокацию попа Гапона: столкнула пролетариев с государственной властью.

Сведения о жертвах Ленского расстрела противоречивы, но наиболее убедительно выглядят официальные данные, поступившие в Иркутск в апреле 1912 года после похорон погибших: 107 убитых и 83 раненых¹ (действительное число раненых, очевидно, было больше, но в официальную сводку попали только те, что находились в лечебных учреждениях Бодайбо и приисковых поселков).

Правительственная и думская комиссии, нагрянувшие по следам кровавых событий на Ленские золотые прииски, признали законными требования рабочих в части охраны труда, условий быта и снабжения продовольствием. Требования о 8-часовом рабочем дне признаны необоснованными.

«Леночку» уличили в нарушении законов Российской империи, в разы уменьшили её долю в Ленском золотопромышленном товариществе. Ротмистра Трещенкова уволили из корпуса жандармов и разжаловали в рядовые.

Но справедливые по сути действия имперской власти безнадежно запоздали. Ни наказания виновных, ни наведения порядка на приисках, ни помощи семьям погибших негодующее российское общество не заметило. Сообщения о мерах правительства заглушила шумиха либеральной прессы. А именно она господствовала в информационном поле России. И Ленский расстрел (как и Кровавое воскресенье) сделался козырем в игре антиправительственных сил.

Действия властей на Лене в 1912 году стали их новой политической ошибкой. Провокаторы революции вновь переиграли власть.

В официальной советской версии Ленского расстрела многое озадачивает исследователя. Во-первых, главным виновником конфликта труда и капитала тут названо «Ленское золотопромышленное товарищество» («Лензото»). А владелица 60-процентного пакета компании «Лензото» и фактическая хозяйка жизни приисков англичанка «Леночка» вообще не упоминается ни в советской печати, ни в трудах советских историков, ни в публикациях краеведов.

¹ 6 апреля получено известие, что на приисках Ленского т[оварищес]тва войска прибегли к оружию. Убито 107 чел[овек], ран[ено] 83. Источник: Романов. Н.С. «Летопись города Иркутска за 1902-1924 гг.» <http://irkipedia.ru/sites/default/files/pdf/automat/letopis2b.pdf>

Правда, в местных музеях попадаются одиночные артефакты вроде акции «Леночки» или группового фото администрации одного из приисков – будто случайно уцелевшие после обыска и изъятия документов. Такое впечатление, словно из офисов «Леночки» выносили кипы бумаг и две-три обронили на пол.

Между тем, судя по крупным объёмам финансово-хозяйственной деятельности «Лена Голдфилдс» в 20-30-е годы, документов должно было остаться не просто много, а очень много. Но кто, когда и зачем в советских верхах решил зачистить эти архивы? Логика истории указывает, в первую очередь, на Ленина и Троцкого, как «крышевателей» «Леночки».

В 1922 году эти двое вели отбор иностранных компаний для получения концессий в Советской России. При этом злодейка «Леночка» с её кровавым шлейфом Ленского расстрела была восстановлена главными большевиками в её прежних, дореволюционных, владениях – на Ленских приисках. Более того, Советы отдали ей на откуп треть всей золотодобычи в СССР. И вплоть до 1929 года Lena Goldfields, Limited будет гнать за рубеж 93 процента добытого золота.

Этот корыстный роман двух главных большевиков с англичанкой уже более ста лет окутан тайной.

Если в недрах архивов советских спецслужб сохранились сведения о том, какими тёмными каналами текла выручка от подобных сделок, то они и сейчас засекречены наглухо. Опубликование подобной информации, в любом случае, – обвинительный материал против товарища Ленина.

Версия о схеме финансирования англичанкой «Леночкой» революционного движения в России, безусловно, логична, но не подтверждена документально. Хотя иные косвенные улики выглядят убедительнее прямых. Сам факт возвращения «Леночки» в 1922 году на те же золотосносные поля России с предоставлением ей фантастических преференций в виде прав на разработку всех рудных месторождений от Якутии до Урала не оставляет сомнений и в наличии давней кредитной истории между главными большевиками и Lena Goldfields, Limited.

Эта английская фирма прекратила свой бизнес в Сибири только в 1930 году, когда Сталин выставил её из СССР вместе с прочими иностранными фирмами и банками, которые после Гражданской войны привели в страну Ленин и Троцкий. Остается вопрос: кто распорядился скрыть или уничтожить следы деятельности «Леночки»? Троцкий? Интерес в сокрытии улик у Троцкого, безусловно, был. Но была ли возможность

для подобной акции? Вряд ли. В конце двадцатых, когда Сталин начал выдавливать из страны иностранные концессии, Троцкий уже лишился всех властных ресурсов, а затем и гражданства.

С большей степенью достоверности можно предположить, что Сталина в данной ситуации заботило отнюдь не доброе имя ненавидимого им Троцкого. Сталин здесь (в который раз!) подтирал за Лениным.

Светлый образ вождя прогрессивного человечества товарища Ленина был идейной опорой Сталина. Вот и приходилось оберегать «символ веры» от порочащих связей с Троцким и западным капиталом.

По этой же причине вы и сегодня не найдёте в открытых источниках документов, связанных с иностранными концессиями, приведёнными в СССР сладкой парочкой – Лениным и Троцким.

Все эти европейские и американские фирмы и банки, числом 350, замкнул на себя Лев Троцкий, возглавивший в советском правительстве, среди прочего, и так называемый комитет по концессиям.

Сталина явно не устраивали ни слишком интимный междусобойчик Троцкого с западным капиталом, ни сама политика экономической колонизации страны.

Сырьевое прозябание НЭПа, навязанное Лениным и Троцким, не предусматривало рождения индустриальной державы. А без собственных тракторов, самолетов, паровозов и прокатных станов СССР

был бы не жилец в этом мире. На сей счёт Сталин не питал иллюзий.

Одолов Троцкого в борьбе за власть, Сталин в 1929 году выставил его из страны. Вскоре курируемые Троцким фирмы последовали за своим куратором.

Сталин полностью менял приоритеты: под его управлением СССР прекратил иррациональную борьбу за мировую революцию и сосредоточился на построении социализма у себя дома.

ГЛАВА 8. ПРОВОКАЦИЯ - РОДНАЯ СЕСТРА РЕВОЛЮЦИИ, ИЛИ КОЕ-ЧТО О ДЕМОНОЛОГИИ

Эсеры не верили, что их главный террорист, организатор более двухсот политических убийств, может стучать в полицию.

Полиция, в свою очередь, не допускала мысли, что ее самый секретный и высокооплачиваемый стукач может убивать важных сановников империи.

На бритвенном лезвии этого парадокса Азеф более десяти лет балансировал между революционерами и охранкой. Любая оплошка перед теми или этими была бы для него смертельной. Товарищи неминуемо пристрелили бы, а полиция обеспечила бы смертный приговор в закрытом судебном процессе.

Но Азеф непостижимым образом оставался нужным и даже незаменимым для тех и других. И как террорист, и как стукач – он был одинаково хорош.

С юных лет сын харьковского сапожника-еврея Евно Азеф был чужд романтике. Будучи студентом, он примкнул к революционному сообществу и вскоре вполне деловито предложил свои услуги полиции в качестве платного осведомителя за вознаграждение 50 рублей в месяц.

Назначенную Азефом цену полиция приняла и не прогадала. Его донесения отличала строгая достоверность без примеси домысла. С годами вырастали и важность его донесений, и размеры вознаграждения. К 1905 году ставка Азефа выросла в сто раз в сравнении со стартовой и составляла пять тысяч рублей.

Наблюдательный знакомец Азефа по эмиграции свидетельствовал, что по стилю жизни тот был расчётливый лавочник и вполне мог содержать, к примеру, колбасный магазин. Для товарищей по партии Азеф носил личину аскета, показательно берег каждую копейку из партийной

кассы: одевался в дешевых магазинах и обедал в столовых для бедняков.

Позже, после разоблачения Азефа как полицейского провокатора, выяснилось, что он тайком посещал самые дорогие бордели, где за ужином требовал трюфелей и «Вдову Клико».

Гонорары от полиции Азеф превращал в европейские ценные бумаги российского рынка и получал с них хорошие дивиденды.

А когда Азефа все же изобличили в сотрудничестве с полицией, он скрылся под чужим именем от партийного суда в Берлине.

Азеф и его любовница кафешантанная певица Хедвига Клепфер на пляже.

Теперь ему уже не надо было скрывать тягукроскоши. Только на брюлики и прочие подарки своей сожительнице Азеф потратил сто тысяч немецких марок, огромную по тем временам сумму. Он проводил время на лучших европейских курортах, держал в Берлине хлебосольный стол для нужных ему немецких деловых знакомых.

Источником его богатства были не только полицейские гонорары. Руководство эсеров пришло к выводу, что Азеф, возглавив «боевую организацию», крупно крал из неподотчетных сумм, ассигнуемых партией на террор.

Но при всём том лавочник в Азефе всегда сочетался с дерзким актёром-импровизатором, который находчиво дурачил изощренных интриганов политического сыска и многоопытных конспираторов партии социалистов-революционеров.

Для собственной безопасности Азеф тонко соблюдал пропорцию смертей: сколько соратников-террористов сдать полиции (чтобы его не заподозрили в уклонении от обязанностей слуги закона) и сколько имперских сановников отправить на тот свет, чтобы поддержать в революционной среде репутацию главного террориста.

Число преданных им эсеровских боевиков в разы превышало число казнённых государевых слуг. Но на виселицу Азеф сдавал преимущественно расходный материал – рядовых исполнителей, тогда как жертвами боевой организации становились крупные государственные

фигуры, которые влияли на политику страны: министры внутренних дел Дмитрий Сипягин и Вячеслав Плеве, великий князь Сергей Александрович.

Министр внутренних дел Вячеслав Константинович Плеве. Погиб 15 июля 1904 года. В его карету была брошена бомба.

Разоблачение двойной роли Азефа попало в газеты и стало настоящей сенсацией. Маститые литераторы того времени пытались писать о нем, но ни один из них не мог проникнуть в темную душу великого провокатора. Хотя среди них были недурные знатоки человеческой природы как, например, многократный номинант на Нобелевскую премию Марк Алданов.

Удачное для террористов окончание операции «Поход на Плеве», которой руководил Евно Азеф.

Его книга «Азеф»¹, пожалуй, самое основательное исследование этой феноменальной личности. Алданов сопоставляет массу свидетельств и документов, в том числе, собственных писем Азефа, в которых тот пред-

¹ Алданов М. А. Азеф. <http://www.lib.ru/RUSSLIT/ALDANOW/azef.txt>

стает тысячеликим существом.

Даже донесения Азефа разным полицейским начальникам словно написаны разными людьми. Тонкий психолог, Азеф безошибочно угадывал, что именно хотел бы узнать от него Ратаев, и писал ему не так, как Зубатову, а Герасимову иначе, чем Зубатову¹.

А берлинскому полицей-президиуму этот отмороженный циник, временно оказавшись в Первую мировую войну в тюрьме Моабит, подавал себя глубоко верующим законопослушным человеком.

Отдельный набор личин Азеф использовал для общения с «товарищами по партии». На сходке боевиков на предложение Абрама Гоца² взорвать дом министра внутренних дел Петра Дурново Азеф прочувствованно сказал: «Я согласен только в том случае, если я пойду впереди. В таких делах, в открытых нападениях необходимо, чтобы руководитель шел впереди. Я должен идти». Савинков и Гоц горячо умоляли его поберечь свою драгоценную жизнь: «Организация не может жертвовать Азефом». Азеф задумался, потом он сказал: «Ну, хорошо...»

Судя по тому, как Азеф дал себя отговорить от рискованной операции, он великолепно манипулировал «соратниками» и вдобавок еще и издевался над ними. Кстати, позднее, после разоблачения Азефа как осведомителя полиции, Савинков решительно отказывался верить в его предательство и убеждал коллег в ЦК ПСР, что у Азефа чистая душа ребенка.

Уверенный в своем интеллектуальном превосходстве над революционерами, Азеф демонстрирует специфичное чувство юмора. Так, в августе 1908 года, после Лондонской конференции ПСР, он просит видного члена партии зайти с ним на почту и у него на глазах сдает объемистый конверт с подробным отчетом о мероприятии (партийной конференции) в департамент полиции.

Можно согласиться с Алдановым, что «главной страстью Азефа была игра – игра во всех смыслах слова. Эта страсть сочеталась с полным отсутствием каких бы то ни было сдерживающих начал, кроме соображений личной выгоды».

¹ Ратаев, Зубатов и Герасимов в разные годы возглавляли особый отдел департамента полиции, и Азеф, будучи осведомителем, состоял у них на связи.

² Абрам Гоц – член Партии эсеров, с 1906 года — член её боевой организации. В 1907 году был арестован. За подготовку покушения на полковника Римана приговорён к 8-ми годам каторги. В 1915 году переведён на поселение в село Усолье Иркутской губернии.

Алданов цитирует служебное письмо Ратаева от 20 октября 1910 года, где изложена обоснованная версия того, что «Азеф работал не только на русскую революцию, но обучал и иностранных революционеров. В начале 1905 года мне пришлось натолкнуться на серьезную организацию армян-дрошакистов и македонских революционеров, которые, вступив в союз с русскими террористами, водворяли через Черное море, преимущественно на Кавказ, оружие и взрывчатые вещества. Не довольствуясь личной поездкой в Болгарию и Константинополь, я командировал туда Азефа, который, ознакомившись детально с организацией, сообщил мне весьма важные и интересные сведения... Вскоре после отъезда Азефа с Балканского полуострова, кажется, 11 или 12 июля 1906 года, в Константинополе, в пределах Ильдиз-Киоска, во время селямлика, совершенно было покушение на жизнь ныне низложенного султана Абдул-Гамида и именно тем способом, который Азеф пожелал применить против В.К. Плеве, то есть посредством автомобиля, начиненного динамитом, на котором прибыли на парад два знаменитых иностранца. Очевидно, Азеф исполнял служебное поручение в силу своего принципа «делу время, потехе час», придумал и проделал вместе с армянами покушение на султана, а потом, по своему обыкновению, уехал благополучно домой». «Я пытался навести справки, – пишет далее Алданов, – об этом деле у армянских политических деятелей. Они решительно отрицают участие Азефа в покушении на Абдул-Гамида. Но участие могло быть косвенным и незаметным. Я не сказал бы с уверенностью, что Ратаев ошибся, во всяком случае, его замечание «делу время – потехе час» свидетельствует о тонком понимании психологии Азефа. Для дела надо было убивать русских министров и революционеров. А для потехи не мешало отправить на тот свет и турецкого султана с несколькими армянами, тем более что при случае это могло оказаться небезвыгодным. Подобный подвиг должен был даже особенно соблазнять Азефа».

Еще цитата Алданова: «В развинченной душе Азефа по необходимости существовали два мира: мир социалистов-революционеров и мир департамента полиции. Ни один из этих миров не был его собственным миром. И в обоих он, конечно, должен был всегда чувствовать себя дома. Его тренировка в этом смысле граничит с чудесным. В каждом из миров своей двойной жизни он позволял себе роскошь оттенков».

Все это, безусловно, интересно, но словесные фигуры вроде «развинченной души», увы, не объясняют требовательному уму духовную природу феномена по имени Азеф.

В своем исследовании личности Азефа Алданов не сделал никакого

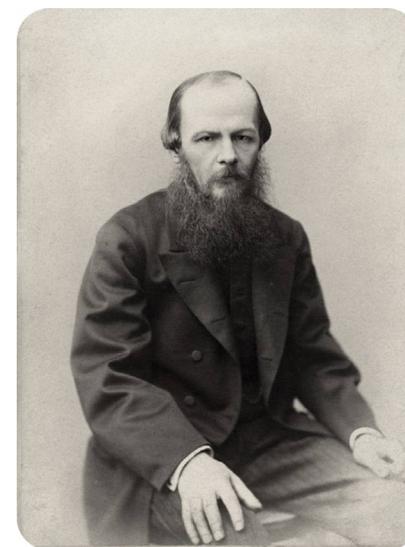
открытия и остался в пределах занимательного чтения: «Говорили мне, что этот человек – переходная ступень к удаву, – очень любил музыку кабаков и кафе-концертов: слушал как бы с умилением и восторгом. Может быть, немного дурел, как змеи от флейты».

Снова занимательно и не более того. В итоге Алданову ничего не осталось как похоронить своего «героя», лаконически сообщив, что у него «развилась болезнь почек, осложнившаяся болезнью сердца. В апреле 1918 года он слег в больницу. Через несколько дней, 24 апреля, в 2 часа пополудни Азеф умер. Верная немка похоронила его по второму разряду на Вильмерсдорфском кладбище. Надписи на могиле нет никакой, во избежание неприятностей... Есть только номер места 446».

Будучи законченным агностиком, Алданов зашел в тупик ничего не объясняющих определений, таких как «моральный идиотизм». По отзывам современников, сам Алданов являлся безусловно порядочным, нравственным человеком. Но при этом отрицал сверхъестественное происхождение нравственных законов, принятых людьми к исполнению свыше.

Для агностика моральные устои возникли неким невыясненным образом. И Бог тут, разумеется, не при чём, поскольку Его нет. А стало быть, нет и бесов. Безбожие, что ни говори, сильно ограничивает пространство человеческого ума.

Отсюда и безуспешность попыток таких литераторов как Алданов постичь внутренний мир персонажей, находящихся за пределами людской психологии. Ведь поведение бесов и мотивация их действий не входят в человеческое понимание добра и зла.

Это – предмет демонологии.

В русской, да и во всей мировой литературе, известен, пожалуй, только один пониматель демонов – Достоевский.

Федор Михайлович не блистал изяществом стиля, и его романы никак не помещаются в категорию изящной словесности.

Художники (литераторы, живописцы и др.) делятся, грубо говоря, на две неравные группы. Одни более или менее искусно расцвечивают картину мира разнообразными (радостными или мрачными) красками. Самые удачливые и талантливые из них вызывают живой интерес публики. Эта группа

составляет количественное большинство творческого цеха.

Другое направление – это избранные единицы. Они, как правило, слишком серьезны, чтобы развлекать нас. Их сверхзадача – объяснить нам окружающий мир и нас самих в нём. Этим избранникам дано видеть будущее.

Достоевский имел смелость вглядываться в глубины преисподней, и на краю этой бездны у него не кружилась голова.

Достоевский был лично знаком с апологетом революционного хаоса Бакуниным, углубленно изучал личность провокатора и убийцы Нечаева¹.

Морали для Нечаева не существовало. Он был готов обманывать весь мир, включая своих ближайших соратников-революционеров. Перед ними Нечаев блефовал, представляясь посланником несуществующего Союза европейских революционных организаций. Вере Засулич этот аферист написал, что томится в Петропавловской крепости. Потом пустил слух, что бежал и хочет эмигрировать в Европу. Михаилу Бакунину Нечаев наплёл про тайную террористическую организацию, которую он якобы возглавляет в России.

Сергей Нечаев – один из первых представителей русского революционного активизма, лидер «Народной Расправы». Автор радикального «Катехизиса революционера». Осуждён за убийство студента Иванова. Из «Катехизиса революционера»: «Спасительной для народа может быть только та революция, которая уничтожит в корне всякую государственность и истребит все государственные традиции, порядки и классы в России»². 1869 год.

Вулкан, извергающий провокацию, – так характеризовал Нечаева один из современников. Из эмиграции Нечаев отправил в Россию (преимущественно либералам) около четырехсот писем заведомо экстремистского содержания. В результате, полиция, прочитав их, завела уйму

¹ Достоевский Ф.М. Дневник писателя. http://rulibrary.ru/dostoevskiy/dnevnik_pisatelya/45

² Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация. Ред. Е.Л.Рудницкая. М., Археографический центр, 1997.

следственных дел (Нечаев таким образом создавал у властей впечатлительные антиправительственный заговор).

Он также воровал у знакомых личную переписку с целью шантажа. При этом обокрал даже своего наставника и покровителя Михаила Бакунина.

Чтобы напугать и сломить волю участников возглавляемого им радикального кружка, Нечаев показательно, на глазах у младших соратников, казнит ни в чём не повинного человека¹ (позднее за это убийство Швейцария выдаст его российским властям, и он умрёт в тюрьме).

Противники Ленина часто и с осуждением говорили о его духовном родстве с Сергеем Нечаевым. «В то время слова „нечаевщина» и „нечаевцы» даже среди эмиграции были почти бранными», — замечал большевик Владимир Бонч-Бруевич. В сочинениях Ленина нет каких-либо похвал в адрес Нечаева. Однако известно, что он высоко ценил «организаторский талант, волю и энтузиазм» этого революционера.

По воспоминаниям В. Бонч-Бруевича², Ленин «часто задумывался над листовками Нечаева». ««Совершенно забывают, – говорил Владимир Ильич, – что Нечаев умел свои мысли облачать в такие потрясающие формулировки, которые оставались памятны на всю жизнь. Достаточно вспомнить его ответ в одной листовке на вопрос: „Кого же надо уничтожить из царствующего дома?»».

Нечаев даёт точный ответ: „Всю большую ектению» (богослужение, на котором упоминались все Романовы. – Прим.. ред.) ... «Кого же уничтожить из них?» – спросит себя самый простой читатель. – Да весь дом Романовых. Ведь это просто до гениальности»³.

«Нечаев должен быть весь издан», – добавлял Владимир Ильич.

Ленинское восхищение гениальностью лидера «Народной расправы» не оставляет сомнений в преемственности и духовном родстве бесов русской революции. Нечаев – с его идеей убийства царской семьи и

¹ В 1869 году нечаевцы решили организовать расклейку листовок в Петровской академии по случаю очередных студенческих волнений в Московском университете. Эти действия могли привести к закрытию академии. Иван Иванов, один из авторитетных членов кружка, 23-летний студент академии, выступил против расклейки. Почувствовав угрозу своему единовластию, Нечаев решил сплотить группу с помощью убийства: задушить Иванова шарфом. Но жертва оказала сопротивление, и сам Нечаев выстрелом в голову добил Иванова. Преступление было раскрыто, участники получили большие сроки каторги, а Нечаев скрылся за границей.

² Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич – ближайший помощник и фактический секретарь В. И. Ленина.

³ Шуб Д.Н. Политические деятели России (1850-ых—1920-ых гг.). <http://www.rummuseum.ru/portal/node/2923>

принципиальной аморальностью – несомненный предтеча Ленина.

Демоны очень нервно реагируют на пророков, на их правду о себе. Опровергнуть её они не в силах, но, по возможности, стараются скрыть её от людей. Ленина, в частности, корёжило от ненависти к Достоевскому. Его программный роман «Бесы» Владимир Ильич аттестовал как «реакционную гадость».

«Перелистал и забросил, – презрительно отозвался он о книге. – Жаль тратить время».

Иллюстрация к роману Ф.М. Достоевского «Бесы». 1935 год. Художница Сара Шор.

Известно, что читал Ленин быстро, цепко и всегда ухватывал суть прочитанного. За лицемерным пренебрежением «жаль тратить время» прячется плохо сдерживаемая злоба. В герое «Бесов» Петре Верховенском Ленин узнал своего собрата – беспощадного и беспринципного технолога грядущей российской катастрофы. Потому и злился, что узнал.

В романе литературный бес Верховенский озвучил то, о чём реальный бес Ульянов предпочитал помалкивать даже в кругу ближайших соратников – заветные замыслы коммунистического устройства мира: «Одна десятая получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятими. Те же

должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть, рядом перерождений, первобытной невинности, хотя, впрочем, и будут работать».

Разобраться с Достоевским за правду о коммунистическом рае собственными ему средствами – убить или выслать из страны – Ленин не мог по объективным обстоятельствам. В 1881 году Федор Михайлович, исполнив долг христианского пророка, отошёл в вечность. Но мог распорядится изъять из библиотек и уничтожить его книги.

«Буревестник» революции Максим Горький был солидарен с Лениным в его ненависти к «реакционному» Достоевскому. Автор литературно талантливых, но философски одномерных агиток соцреализма (где прав только пролетариат и неправы все прочие), наверное, ревновал недоступную для него славу пророка. Их разделяла пропасть: Горький

был временно популярен, а Достоевский навечно велик.

Примечательно, что в 1913 году Горький изо всех сил добивался отмены инсценировки «Бесов» в Московском художественном театре. Он в печати обвинил Достоевского в незнании национального сознания русского народа.

Либералы в газетах подпели «буревестнику»: Достоевский, мол, издевается над русским освободительным движением.

На самом деле Достоевский и не думал иронизировать над самозванными освободителями русского народа. Они изображены в собственной писателю реалистичной манере, без намёка на карикатуру. Бесы у Достоевского омерзительны, как это свойственно их природе.

Федор Михайлович твёрдо знал, что человек, отпавший от Бога, становится зверем (не в биологическом, а в духовном понимании).

Художественный театр, впрочем, игнорировал наскоки главного пролетарского писателя и сохранил в своём репертуаре спектакли по «Братьям Карамазовым» и по «Бесам».

Уже совсем скоро развитие событий подтвердило потрясающую проницательность, вернее, предвидение Достоевского. Выскочившие на мировую сцену гапоны, азефы, ленины и троцкие оказались ничуть не менее зловещими, чем их литературные прообразы. А сотворенная бесами катастрофа длится по сей день. Как видим, Достоевский ничего не преувеличил.

После 1917 года супруга и помощница вождя мировой революции Надежда Константиновна Крупская добилась изъятия из советских библиотек романа «Бесы». До 1926 года гения мировой литературы в СССР вообще не издавали, если не считать крохотного десятитысячного тиража, что называется, для узких специалистов.

Пророчества Достоевского большевики ощущали как занозу в зад. Конечно, в здравом-то уме невозможно представить, что ознакомление с книгами Федора Михайловича подвигнет население советской России к восстанию против большевистской диктатуры.

Задолго до большевистского переворота и запрета сочинений этого мирового гения его пророчества усвоили немногие. И эти немногие не удержали соотечественников от пагубных действий (как и не вывели из пагубного бездействия).

Но наивно ожидать адекватных решений и вообще здравого рассудка от бесноватых. Нечисть бывает чертовски умной, но не бывает мудрой. Достоевский по этому поводу писал: «Ум без благодати - безумие»

Но наивно ожидать адекватных решений и вообще здравого рассудка от бесноватых. Нечисть бывает чертовски умной, но не бывает мудрой. Достоевский по этому поводу писал: «Ум без благодати - безумие»¹.

Ленинцы, контуженные мечтой о мировой революции и мировой диктатуре, неизлечимы. Они так же тоталитарны, как и денежные мешки. Оказавшись у власти, и те, и другие не дискутируют с оппонентами, а затыкают им рот. На всякий случай, для собственного спокойствия.

---

¹ Цитата из «Дневников писателя» Ф.М.Достоевского.